

Консервативно-клерикальные круги, как показали события апреля-июня 1970 года, не оставили попыток ослабить и подорвать советско-афганскую дружбу и столкнуть Афганистан с пути широкого сотрудничества с СССР. В этом сотрудничестве их пугал прежде всего социальный аспект: влияние социалистических идей на умы и сердца определенной части афганского общества. Вместе с тем в те весенние дни 1970 года еще одно убедительное подтверждение нашла та истина, что дружба с СССР имела в Афганистане глубокие корни и что в этой стране у него было много искренних и последовательных друзей. Их социальный диапазон был очень широк: от образованных средних городских слоев, которые в целом не только не поддержали акцию консервативных мусульманских кругов, но и с самого начала решительно осудили ее антисоветскую направленность, до простых, неграмотных тружеников, чьи симпатии к СССР оказались сильнее спекуляции на их религиозных чувствах.

Анализ афганской действительности второй половины XX в. позволяет сделать вывод о том, что начавшиеся в этой стране политические бури и потрясения были подготовлены всем предшествующим развитием афганского общества и явились закономерным следствием тягчайшего социального неблагополучия, беспросветной нищеты и бесправия подавляющего большинства населения и острой общественно-политической борьбы между консервативными силами, стремившимися удержать Афганистан на старых, средневековых рубежах, с одной стороны, и национально-демократическими кругами, выступавшими за решительное обновление страны и общественной жизни, – с другой. С началом «демократического эксперимента» Афганистан был просто обречен на социальные и политические перемены.

ГЛАВА 4. КРИЗИС МОНАРХИИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 17 ИЮЛЯ 1973 ГОДА

4.1 Забастовочное движение в стране в конце 60-начале 70-х годов

В последней трети XX в. Афганистан по-прежнему оставался земледельческо-скотоводческой страной. Промышленность была развита крайне слабо. Подавляющая часть оседлого населения (более 80 %) проживала в сельской местности. Приблизительно 2,5 млн. человек вели кочевой или полукочевой образ жизни. Несмотря на сохранение сильных пережитков производственных отношений в аграрной сфере, афганское общество к рассматриваемому времени перестало быть феодальным. В процессе капиталистической эволюции, особенно в 50-70-х годах, в многоукладной экономике Афганистана ведущими определились госкапиталистический, частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. По мере ускорения капитализации страны все более острой становилась проблема пауперизации общества и, как результат этого процесса, увеличение численности городских низов. Их ряды непрерывно пополнялись за счет притока в города лишившихся земли и обнищавших крестьян. На этой почве в стране нарастала социальная напряженность. Она дополнялась исторически сложившимися острыми межнациональными и межплеменными противоречиями, приводившими нередко к вооруженным столкновениям и конфликтам, особенно в зоне расселения пуштунских племен. [1]

За всплеском оппозиционного движения, которое наблюдалось в 1964-1966 гг., в Афганистане наметился его определенный спад. Однако уже в 1968 году снова началось оживление деятельности различных общественно-политических сил. Толчком к этому явились массовые стихийные выступления трудящихся страны за свои социальные и экономические права.

В 1968 году впервые в истории Афганистана заявил о себе молодой, формирующийся национальный рабочий класс. В его рядах к этому времени было уже 32 тысячи фабрично-заводских рабочих, а всего в стране насчитывалось до 880 тысяч лиц наемного труда, в том числе свыше 80 тысяч в строительстве и около 30 тысяч в сфере транспорта и связи. [2] Их беспрецедентные выступления в защиту своих жизненных интересов, охватили почти все промышленные центры, положив этим начало массовому рабочему движению в стране. Оно было вызвано значительным ухудшением и без того тяжелого экономического положения трудящихся в результате завершения строительства в рассматриваемые годы многих крупных хозяйственных объектов и увеличения в связи с этим масштабов безработицы в стране, огромного, растущего год от года аграрного перенаселения, несправедливых условий купли-продажи рабочей силы и социальной незащищенности людей труда, тяжелых условий их жизни, быта и труда, постоянного роста цен на продовольствие и товары первой необходимости и т.п. Вот некоторые данные, иллюстрирующие сказанное выше. По приблизительным подсчетам, общее число безработных в стране возросло с 200 тысяч в 1966/1967 г. до 400 тысяч к началу 70-х годов и составило 7 % трудовых ресурсов Афганистана. Общий индекс цен на основные продовольственные товары вырос к 1968 году в два раза по сравнению с 1963 годом при среднем росте заработной платы с 1962 по 1967 год всего лишь на 47 %. При этом труд рабочего в Афганистане оплачивался традиционно гораздо ниже стоимости его рабочей силы, составляя примерно 1/3 прожиточного минимума семьи из четырех человек. Повсеместно процветали взяточничество, вымогательство, штрафы, обшеты и пр. Чтобы получить, например, работу шофера или крановщика на строительстве завода азотных удобрений и ТЭЦ в Мазари-Шарифе, необходимо было дать взятку должностным лицам соответственно в размере 10 тысяч афгани (при средней ежемесячной зарплате шофера в 2500 афгани) и 12 тысяч афгани. [3]

Афганские трудящиеся страдали и от социального бесправия. Принятый еще в 1946 году Закон о труде рабочих национальных предприятий практически не выполнялся, да и уже не отвечал новым условиям и потребностям растущего афганского рабочего класса. Новый же закон о труде, подготовка которого велась с 1965 года и в котором предусматривались создание специальных судов по трудовым конфликтам, элементы социального страхования рабочих, их право на создание профсоюзов и заключение коллективных договоров с предпринимателями, был заблокирован в парламенте дворцовой аристократией и консервативно-клерикальными кругами.

В массовых выступлениях трудящихся в 1968 году, происходивших в форме забастовок, демонстраций, митингов, маршей протеста, принимали участие, кроме рабочих, практически все слои населения Афганистана. Забастовки проходили как на частных, так и на государственных предприятиях. По далеко не полным данным, в течение года (с апреля 1968 по март 1969 года) в целом по стране состоялось 90 забастовок и демонстраций, в том числе в мае-июне – 28 стачек рабочих и 21 забастовка студентов и учащихся, а с апреля по август 1968 года – 60. Только за первые пять месяцев в забастовочной борьбе участвовало до 30 тысяч промышленных и строительных рабочих. [4] Всего же с 1968 по начало 1970 года в Афганистане состоялось более 140 выступлений различных групп и слоев населения (см. Приложение 8).

Начало забастовочному движению в стране положили учащиеся кабульской механической школы, выступившие в апреле 1968 года против неудовлетворительного состояния системы образования. Их забастовка, продолжавшаяся пять дней, завершилась выработкой и принятием ряда требований к властям, проведением демонстрации и шествия к парламенту и вручением этих требований ответственным представителям высшего законодательного органа страны. Вслед за ними в забастовочную борьбу включились рабочие кабульского авторемонтно-механического завода «Джангалак», крупнейшего в стране Гульбахарского текстильного комбината, на котором было занято более 5 тысяч человек, цементного завода, текстильной фабрики и элеватора в Пули-Хумри, хлопкоочистительного завода в Кундузе, Кабульского домостроительного комбината (КДСК), камнетесной и деревообделочной фабрики в Кабуле, ГЭС в Сароби, шерстоткацкой фабрики и консервного завода в Кандагаре, шахтеры-угольщики Каркара (провинция Баглан), золотодобытчики Тахара, лавочники Лашкаргаха (провинция Гильменд), строители Джалалабадского ирригационного комплекса, рабочие-нефтяники и газовики Шибиргана, строители дороги Пули-Хумри – Шибирган, печатники столичной государственной типографии, сезонные рабочие Кандагара, безработные Герата и др. К бастующим присоединились крестьяне, студенты и учащиеся школ и лицеев, городские низы, солдаты Трудовой армии. 1 мая 1968 года в Кабуле была проведена первая в истории страны демонстрация по случаю Дня международной солидарности трудящихся. Самую внушительную часть демонстрантов представляли рабочие КДСК, несшие красные флаги и транспаранты со словами «Хлеба», «Одежды», «Крова». В ходе митингов выдвигались требования объявить 1 мая официальным праздником трудящихся и признать право рабочих на создание профсоюзов.

Требования бастующих носили в основном экономический характер и включали: повышение заработной платы, улучшение условий труда и медицинского обслуживания, предоставление оплачиваемого отпуска, более широкий охват рабочих социальным страхованием, улучшение жилищных условий, оплату сверхурочных работ, соблюдение законоположений об ограничении продолжительности рабочего дня и др. Что касается политических требований, выдвигавшихся рабочими преимущественно в ходе первомайской демонстрации, то они сводились лишь к требованию официально признать и объявить 1 мая праздником трудящихся – нерабочим днем. Все указанные выше требования рабочих поддержала в парламенте народно-демократическая фракция, направив от имени депутата Файзан-уль-Хака Файзана запрос правительству относительно незамедлительного рассмотрения и решения насущных социальных проблем трудящихся. [5]

Первые выступления афганских трудящихся не были напрасными, хотя и не привели к удовлетворению всех их требований. На некоторых предприятиях рабочие добились повышения заработной платы на 15-20 %, обещаний об оплате сверхурочных работ и соблюдении законоположений об ограничении продолжительности рабочего дня. Под воздействием забастовочной борьбы правящие круги вынуждены были пересмотреть некоторые прежние законоположения о труде и ввести новые Закон о государственных служащих и Закон о наемном обслуживающем персонале государственных учреждений, принятые 10 марта 1971 года. В соответствии с Указом № 971 от 5 июня 1971 года владельцам предприятий было предписано выплачивать выходящим на пенсию рабочим пособие в размере средней пятнадцатидневной зарплаты за каждый год работы на промышленном предприятии. [6]

Пойдя на незначительные уступки забастовщикам, власти одновременно подвергли репрессиям и преследованиям активистов массовых выступлений, наглядно раскрыв этим свое представление о пределах демократии, декларированной в Конституции 1964 года. 70 рабочих завода «Джангалак», текстильной фабрики Пули-Хумри, государственной типографии и ряда других предприятий были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения за участие в забастовках, более 600 рабочих и инженерно-технических работников уволены с работы и занесены в «черные списки». [7] В ходе забастовок власти неоднократно прибегали к вводу войск на некоторые предприятия.

Первые забастовочные выступления афганских рабочих, несмотря на всю скромность их побед и достижений, стали, безусловно, событием общенационального масштаба и знаменовали собой новую ступень в развитии общественной борьбы в Афганистане. Афганские рабочие в процессе забастовочного движения приобрели новый опыт ведения борьбы за свои права, показали примеры сплоченности, дисциплины, смелости, решительности, активности и растущего классового самосознания, сделали ряд попыток создать стачечные комитеты и придать забастовкам организованный характер, выдвинули на некоторых предприятиях из своей среды вожakov (например, на Кабульском домостроительном комбинате, а также газопромыслах Шибиргана, где одним из признанных руководителей забастовки стал член НДПА рабочий Юсуф). Качественно новыми моментами в развитии рабочего движения в Афганистане в конце 60-х годов явилось то, что забастовки начали выходить за пределы отдельных предприятий и расширяться до масштабов городов, сливаясь в один поток с борьбой других слоев общества – крестьян, городских низов, интеллигенции, учащейся и студенческой молодежи. Рабочие, наряду с экономическими, стали выдвигать и некоторые политические требования, что было особенно характерным для предприятий государственно-государственного сектора.

Вместе с тем первая волна забастовок, носивших в основном стихийный характер, выявила многие слабости рабочего движения в Афганистане. Анализируя по горячим следам уроки забастовочного движе-

ния, Б.Кармаль назвал среди них следующие: отсутствие у афганского пролетариата опыта борьбы и политического руководства, идейную и организационную слабость движения, разрозненный, локальный характер выступления рабочих и нескоординированность их действий между различными районами страны, пагубное влияние на забастовщиков экстремистских элементов, выдвижение рабочими некоторых требований без учета обстановки и своих возможностей. [8]

Необходимо подчеркнуть, что недостатки и слабости рабочего движения на этом этапе и безуспешность большей части забастовок и маршей протеста были обусловлены не только классовая и политической незрелостью молодого рабочего класса страны и неуступчивостью властей, но прежде всего тем, что у него не было опытного и авторитетного руководителя, что обе фракции НДПА (Хальк и Парчам) и другие организации из-за отсутствия у них прочных связей с рабочими коллективами не были готовы возглавить выступления рабочих и придать им организованный и целеустремленный характер. К этому времени партийные ячейки на промышленных предприятиях были единичными и немногочисленными и не могли оказывать сколько-нибудь ощутимое влияние на умы, настроения и поведение рабочих, в том числе и в ходе развертывания забастовочной борьбы, несмотря на участие многих партийцев в демонстрациях и митингах. В связи с этим представляются крайне преувеличенными утверждения, встречающиеся в афганских послереволюционных публикациях, о том, что-де НДПА «возглавила в 1968-1969 годах активную борьбу рабочих страны, в особенности их забастовки и демонстрации». [9] Вместе с тем нельзя согласиться и с противоположным мнением – полным отрицанием участия и роли двух крыльев НДПА в рабочем забастовочном движении в 1968 и последующих годов, что характерно для некоторых зарубежных исследователей-афганистов. Так, пакистанский автор Раджа Анвар в его книге «Трагедия Афганистана» пишет, что не НДПА, а будто бы «пропекинские коммунисты (члены афганских маоистских группировок. – М.С.) имели весомые основания утверждать, что именно они являлись организаторами большинства (по словам Р.Анвар, 80 %) забастовок на кабульских промышленных предприятиях в конце 60-начале 70-х годов». Источником для такого, далекого от истины, вывода стала беседа указанного автора в марте 1981 года в тюрьме Пули-Чархи с одним из руководителей маоистской группировки «Шоалеи джавид» инженером Абдуллою Латифом Махмуди (племянником доктора Абдурахмана Махмуди). [10]

Объективности ради надо сказать, что афганские левые экстремисты действительно стремились взять руководство выступлениями рабочих в свои руки и, используя трескучие, ультрареволюционные фразы, направить их на путь авантюры, инспирирования беспорядков, открытой физической конфронтации с монархическими властями. И кое-где и кое в чем им это удавалось сделать. В частности, в июне 1968 года они, как уже отмечалось, организовали у кабульского кинотеатра «Памир» митинг с участием рабочих завода «Джангалак» и городской бедноты и спровоцировали острые столкновения с полицией и жандармерией. В результате применения последними оружия несколько рабочих были убиты. Вслед за этим некоторые руководители и активисты «Шоалеи джавид» подверглись арестам. В сентябре того же года 14 членов организации были приговорены к различным срокам тюремного заключения, пятеро из них, в том числе ее лидеры М.Осман и А.Махмуди, – к 13 годам каждый.

К концу 1968 года в основном завершилась первая волна забастовок афганских промышленных, строительных и транспортных рабочих. В следующем году в стране имели место лишь единичные, кратковременные выступления рабочих Кандагарского международного аэропорта (январь), медицинского персонала больницы «Вазир Акбар-хан» в столице (январь), рабочих на шерстоткацкой фабрике в Пули-Чархи (май), строительстве ирригационных объектов в провинции Парван (май), текстильном комбинате Гульбахара (июнь), птицефабрике Баграми (июль), шоферов ширкета бытового обслуживания в Кабуле (август) и на ряде других предприятий. [11]

Наряду с забастовочным движением рабочих, рассматриваемый период характеризовался также всевозрастающей общественной активностью афганского студенчества и учащейся молодежи. Широкое недомовольство в их среде вызывалось глубокой неудовлетворенностью системой образования, высоким уровнем безработицы среди выпускников школ и лицеев, процветавшей в стране дискриминацией выходцев из трудовых слоев населения при приеме в учебные заведения, нерешенностью многих социальных и политических проблем. На их сознание и поведение огромное воздействие оказывали острое противоборство в обществе различных идейных взглядов и течений и деятельность среди молодежи многочисленных политических группировок, бурная предвыборная и парламентская борьба, забастовочное движение рабочих, а также внешние факторы – общая идеологическая ситуация в мире и регионе, складывавшаяся во многом под влиянием демократических и прогрессивных воззрений и тенденций, и широкий размах борьбы народов Востока и Латинской Америки за социальное и национальное освобождение.

Афганских студентов и учащихся волновали прежде всего пороки и бедственное состояние образования в стране. Как известно, Афганистан на рубеже 60 и 70-х годов XX в. по-прежнему оставался страной с почти поголовной неграмотностью самодельного населения. По официальным данным, в 1967 году среди мужского населения полностью неграмотные составляли 87,6, а среди женского – 90,4 %. Начальную школу посещали всего лишь 14,5 % детей школьного возраста (чуть более 400 тысяч), среднюю – 4,6 (47 тысяч), лицеи, технические и специальные училища – 2,8 % (21,2 тысячи человек). В стране ощущалась острая нехватка учителей и школ (по данным на 1965-1966 годы, в школах всех ступеней насчитывалось только 8806 учителей, а количество начальных и средних учебных заведений не превышало 2,29 тысяч), более 70 % школ, в том числе и в столице, размещались в помещениях, не приспособленных для учебных целей и не имевших элементарного оборудования – парт, стульев, учебных пособий и т.п., крайне низкой была квалификация преподавательского состава, повсеместно в школах практиковались телесные наказания учащихся. Ассигнования на просвещение были мизерными и составили в 1968/1969 году 501 млн. афгани, т.е. 11,7 % текущих расходов государственного бюджета. Хотя принятый в 1968 году Закон о просвещении и объявил обязательным начальное образование в стране, однако подавляющее большинство

населения в силу указанных выше причин было лишено возможности получить его. В тех условиях, по расчетам самих правящих кругов, страна могла обеспечить начальное образование для всех детей школьного возраста только к концу XX в. [12]

Не лучше было положение и в сфере высшего образования. По подготовке национальных кадров высшей квалификации Афганистан занимал одно из последних мест среди афро-азиатских стран. К примеру, в 1965 году число окончивших высшие учебные заведения в расчете на 100 тысяч человек населения страны составило всего лишь 3 человека (для сравнения: в Индии их было 52, в Пакистане – 39, Турции – 40, на Филиппинах – 180 человек). По официальным данным, в то время потребности страны в технических и дипломированных специалистах высшей квалификации составляли до 31 тысячи человек. Тем не менее численность студентов многие годы продолжала оставаться крайне незначительной. В 1968 году в вузах страны – Кабульском университете, Кабульском политехническом институте и на Джалалабадском медицинском факультете – обучались всего 4760 студентов и работало 569 преподавателей. [13]

Выступления афганского студенчества и учащейся молодежи, как уже отмечалось, состоялись весной 1968 года, главным образом в Кабуле. И это было не случайным. Дело в том, что в столице было сосредоточено около 98 % всех афганских студентов и более 51 % (около 35 тысяч) учащихся средних школ, лицеев, технических и специальных училищ, а также краткосрочных профессиональных курсов повышения квалификации при различных ведомствах и государственных учреждениях. [14] Одно из крупных выступлений столичной молодежи за свои права состоялось 21 мая 1968 года. В нем приняли участие многие студенты Кабульского университета и учащиеся Афганского технологического института (среднетехническая школа), педагогического училища, школы медсестер и ряда других учебных заведений, где заметным влиянием пользовались прежде всего организации Парчам и Хальк. Полиция применила против демонстрантов оружие, в результате чего один студент был убит. В знак протеста против жестокой расправы властей многочисленная колонна возмущенной молодежи прошла по улицам Кабула с высоко поднятой на древке окровавленной рубашкой убитого студента, вызывая этим сочувствие, симпатии и поддержку прогрессивной столичной общественности. Участники марша протеста выкрикивали антиправительственные лозунги. В августе столичные студенты и учащиеся провели внушительную демонстрацию и митинг в поддержку национально-освободительной борьбы народа Пуштунистана.

Процессы прогрессирующей политизации афганского студенчества и учащейся молодежи и дестабилизирующее воздействие их выступлений на политическую обстановку в стране серьезно обеспокоили правящие круги. Стремясь остановить дальнейшее развитие молодежного движения и направить его в русло чисто академических проблем, они в октябре 1968 года обнародовали проект закона об университетах и Закон о просвещении. В соответствии с данными законами, студентам, профессорско-преподавательскому составу и служащим университета запрещалось заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях. В частности, статья 4 проекта закона об университетах предписывала: «Университет – это место, где должны учиться, а не заниматься политической и партийной пропагандой». Указанный проект закона предусматривал также введение строгого правительственного контроля над учебным процессом в университете. Одно из нововведений Закона о просвещении устанавливало, что выпускники восьмого класса должны были проходить строгий конкурсный экзамен для получения права продолжать свою учебу в средней школе. На деле это означало для многих юношей и девушек, прежде всего выходцев из малоимущих слоев, запрет на получение среднего образования. [15]

Обнародование данных законов дало, однако, результаты, обратные ожидаемым. В кругах передовой афганской общественности эти шаги монархических властей были расценены как противоречащие конституции и грубо попирающие демократические права граждан. В октябре 1968 года забастовали студенты сельскохозяйственного факультета университета, где значительный процент составляли выходцы из трудовых слоев. Одновременно, требуя улучшений условий учебы, выступили студенты Кабульского политехнического института. Их митинги, демонстрации и забастовки продолжались 24 дня. Столичные студенты и молодежь, вовлекая в свои ряды представителей различных слоев и групп населения города, провели 24 октября массовую демонстрацию и митинг в память событий 3 акраба 1344 года (25 октября 1965 года). Демонстрации студентов и учащихся состоялись также в Джалалабаде, Кандагаре и Герате. Под воздействием широкой волны выступлений афганского студенчества и учащейся молодежи парламент страны вынужден был 20 ноября отклонить проект закона об университетах, а министр просвещения доктор Али Ахмад Попаль уйти в отставку.

Конец 1968 года ознаменовался спадом молодежного движения в Афганистане. Подводя итоги забастовочного движения молодежи в указанном году, следует отметить, что в целом оно, несмотря на определенную массовость в отдельные периоды, носило все же эпизодический, во многом стихийный характер. Требования, выдвигавшиеся в ходе митингов и забастовок, не выходили, как правило, за рамки академических интересов и бытовых проблем, за исключением лишь нескольких случаев, когда в центре борьбы оказывались политические права и свободы. Эту слабость студенческого движения видели и хорошо понимали в то время в демократических кругах. Выражая их мнение, Б.Кармаль в статье «Проблемы студенческого движения в стране», опубликованной в газете «Парчам» от 11 ноября 1968 года, указывал на насущную необходимость преодоления элементов стихийности в выступлениях молодежи, создания Союза студентов, выработки единой программы действий и определения принципов взаимоотношений и сотрудничества в их среде между различными политическими силами.

Качественно новый этап в молодежном движении Афганистана начался весной 1969 года (в Афганистане в то время учебный год начинался в марте и заканчивался в декабре). Волнения студентов и учащихся на сей раз стали принимать еще более наступательный характер, а в их требованиях на первый план все чаще выходили общедемократические, политические лозунги. Молодежное движение захватывает многие административные центры страны – Кандагар, Герат, Джалалабад, Мазари-Шариф, Кундуз, Баглан, Хост, Лашкаргах, Джебаль-ус-Сирадж, Зарандж и другие. Особенно массовый, бурный и затяжной

характер оно приобрело в столице. По далеко не полным данным, только в апреле-мае 1969 года в стране состоялось более 50 крупных забастовок и демонстраций, в которых участвовали десятки тысяч студентов и учащихся и солидарных с ними государственных служащих, рабочих, ремесленников и городских низов. Непрерывавшиеся волнения молодежи, став общенациональным явлением, серьезно нарушили обычное течение жизни в городах и населенных пунктах страны, что заставило власти, особенно в преддверии парламентских выборов, снова прибегнуть к широким репрессиям в отношении забастовщиков, в том числе и к закрытию учебных заведений. Фактически учебный процесс в школах и вузах был приостановлен с мая по ноябрь. Однако закрытие учебных заведений, как и аресты активных участников забастовочного движения и исключение их из школ и вузов, не решили проблему: волнения молодежи продолжались. Студенты и учащиеся закрытых властями учебных заведений, разъехавшись по провинциям, активно подключились к борьбе местной учащейся молодежи, привнося в ее ряды свой мятежный дух, нетерпимость к существующим порядкам и горячее стремление к радикальным переменам.

Одними из первых в марте 1969 года забастовали учащиеся средней школы Харджеда в уезде Ниджраб (провинция Каписа) и кандагарской гражданской авиационной школы. Учащиеся школы Харджеда предприняли многокилометровый поход в провинциальный центр, чтобы вручить местным властям свои требования. Среди них, кроме обеспечения школы элементарными учебными пособиями и оборудованием, было требование гарантировать со стороны администрации и преподавательского состава школы «человеческое обращение с учащимися и соблюдение научной, прогрессивной методики преподавания». [16] 2 апреля вспыхнула продолжавшаяся почти две недели забастовка выпускников столичных и провинциальных лицеев, протестовавших против несправедливых результатов конкурсных экзаменов при поступлении в Кабульский университет. Собравшись на территории университета, они осудили дискриминацию выходцев из малоимущих слоев населения и жителей провинций при поступлении в вуз и потребовали отменить принятый накануне нового учебного года высокий проходной балл для абитуриентов по итогам вступительных экзаменов (он был повышен с 45 до 52 баллов). В ходе бурных митингов их участники избрали из своей среды представительный руководящий орган в составе 23 человек. Решительно отмежевавшись от экстремистски настроенных элементов, толкавших забастовщиков на путь открытой конфронтации с властями, колонна молодежи двинулась по улице Кабула к министерству просвещения, где ее представители встретились с министром и вручили ему свои требования. Копии этих требований были также направлены Совету Кабульского университета и в нижнюю палату парламента – Вулуси джиргу. Данная забастовка была активно поддержана учащимися ряда столичных лицеев. 15 апреля Вулуси джирга под давлением общественности и депутатов от демократических сил в парламенте приняла решение о необходимости снижения проходного балла до уровня прошлого года, т.е. до 45 баллов. Ректор университета доктор Абдулла Вахеда, избранный на этот пост в октябре 1968 года, вынужден был уйти в отставку. Однако правильность фактически оставило без внимания другие требования забастовщиков.

Почти одновременно с выпускниками лицеев в забастовочную борьбу вступили учащиеся престижного столичного лицея «Неджат». Они обвинили министерство просвещения в пренебрежительном отношении к нуждам школы, а преподавателей из ФРГ, работавших в лицее, – во враждебности и неприязни к учащимся и потребовали коренного изменения системы преподавания и порядка сдачи экзаменов, а также восстановления в лицее исключенных из него своих одноклассников – активистов забастовки. Вскоре к ним присоединились учащиеся лицеев «Хабибия», «Гази» и других учебных заведений столицы. В течение нескольких недель тысячи молодых людей ежедневно выходили на улицы и площади Кабула и проводили многочасовые митинги и демонстрации, отличавшиеся высокой организованностью и порядком. По свидетельству газеты «Парчам», сами участники шествий принимали решительные меры, вплоть до изгнания из своих рядов, к тем, кто пытался нарушать порядок и преднамеренно спровоцировать столкновения с полицией. [17] В ходе митингов и демонстраций провозглашались лозунги: «Покончить с колониальной системой образования!», «Мы хотим иметь передовую национальную культуру и просвещение!», «Смерть реакции и тирании!» и другие. Власти, как и в других подобных случаях, ответили на эту забастовку арестами и изгнанием из лицея многих ее активистов, полностью проигнорировав при этом требования учащейся молодежи. [18]

С начала мая накал борьбы афганской молодежи стал стремительно нарастать. Дополнительными побудительными мотивами к этому послужило начало предвыборной кампании, упорное нежелание правящих кругов удовлетворить требования молодежи и обеспечить на практике реализацию гражданских прав и свобод, декларированных Конституцией 1964 года. 1 мая по стране прокатились массовые митинги и демонстрации, посвященные празднованию Дня международной солидарности трудящихся. Они состоялись в Кандагаре, Джебаль-ус-Сирадже, Нангархаре, Парване, Каписе и многих других провинциях и промышленных центрах Афганистана. В Кабуле с раннего утра колонны студентов, учащихся, низших государственных служащих, рабочих, представителей интеллигенции и городских низов заполнили все главные улицы города, направляясь к его центру, где состоялся общегородской многотысячный митинг (как отмечала газета «Парчам», лишь одна-две небольшие группы предпочли провести в столице отдельный митинг). Демонстранты несли красные флаги и транспаранты со словами «Да здравствует 1 мая – День международной солидарности трудящихся!», «Народ требует свободы, хлеба, одежды, крова, лекарств и грамоты!», «Долой феодализм!», «Долой империализм – главного врага народов!» и другие. Митинг продолжался до 6 часов вечера и закончился принятием развернутой резолюции. Отметив в ней, что первомайские шествия в столице проведены по инициативе и под руководством НДПА (в тексте – «народно-демократического движения Афганистана»), участники митинга заявили, что они будут бороться за официальное признание 1 мая «праздником рабочих», за обеспечение демократических прав и свобод народа, повышение уровня заработной платы трудящихся, которая соответствовала бы их жизненным нуждам, принятие демократического закона о труде, создание профсоюзов, против незаконных преследований ра-

бочих, их увольнений и безработицы, за быстрое освобождение из тюрем учащихся лицеев «Неджат», «Хабибия» и «Гази», рабочих и патриотически настроенных преподавателей, арестованных за участие в забастовках. В резолюции была выражена солидарность со всеми борцами за мир, демократию и социальный прогресс. [19]

За первомайскими демонстрациями последовала новая волна забастовочной борьбы афганской молодежи, охватившая в мае-июле значительную часть провинций страны (по публикациям газеты «Парчам», 13 из 28 провинций). Выступления молодежи приняли особенно драматический характер в Кабуле. 13 мая полиция, поддержанная жандармами и солдатами дежурной части кабульского гарнизона, под предлогом «наведения порядка и обеспечения безопасности» ворвалась на территорию лицея «Ибн Сина» и учинила жестокое избиение дубинками и палками бастовавших учащихся указанного лицея и педагогического училища. В результате этой неспровоцированной полицейской акции многие из них получили ранения различной тяжести, в том числе и серьезные, часть их была арестована, а учащийся лицея, выходец из Пактии Асил Мухаммад убит. Кровавая расправа над школьниками вызвала гнев и возмущение широкой столичной общественности, как гражданской, так и военной. В знак протеста против вероломства властей не менее 10 тысяч человек из числа столичной молодежи и горожан приняли участие в траурной процессии. Затем кортеж машин с телом убитого и сопровождавшими его студентами и учащимися направился в Пактию, где предполагалось организовать его похороны. Однако по дороге колонна была перехвачена полицией и силой возвращена в Кабул. Организаторы похорон были арестованы и брошены в тюрьму. Лицей «Ибн Сина» и педагогическое училище были закрыты. Бесчеловечные действия блюстителей порядка и репрессивные меры властей еще больше накаляли обстановку в столице. 19 мая на территории Кабульского университета состоялся массовый митинг протеста с участием студентов, школьников и профессорско-преподавательского состава. И снова полиция, прибегнув к грубой силе, разогнала митинг. Она ворвалась в аудитории и служебные помещения университета, круша на своем пути мебель и оборудование, избивая юношей и девушек, мужчин и женщин, отбирая у них деньги, часы и драгоценности. Многие студенты и преподаватели получили ранения, ряд из них были арестованы.

21 мая в актовом зале университета под председательством его нового ректора, профессора Фазль Раби Пажвака состоялось собрание профессоров и преподавателей по обсуждению происшедшего накануне акта насилия и вандализма. В числе присутствовавших были и те, кто пострадал от дубинок и кулаков полиции, кроме преподавателя филологического факультета Мухаммада Хасана Какара, который не смог из-за серьезных травм прибыть на собрание. После горячего обсуждения событий 19 мая собрание единодушно приняло резолюцию, в которой действия полиции расценивались как «антиконституционные и попирающие национальное и человеческое достоинство». Собравшиеся потребовали от правительства срочного провести официальное расследование происшедшего и отдать под суд лиц, ответственных за бесчинства полиции, и самих исполнителей, незамедлительно снять блокаду территории университета, обеспечить в соответствии с полномочиями, которые возложены на правительство конституцией страны, неприкосновенность университета, безоговорочно освободить всех арестованных студентов. Кроме того, они заявили, что «любое вмешательство в университетские дела должно в будущем осуществляться только в соответствии с Положением об университетах, через ректора и Совет университета». По решению собрания резолюция была направлена председателям обеих палат парламента, верховному судье и главе правительства, а также для опубликования во все органы печати – официальные и частные. На этом же собрании ряд выступавших предложили создать Союз преподавателей университета. [20]

Позиция и требования представителей вузовской интеллигенции нашли заинтересованный отклик среди передовой афганской общественности. Их поддержали преподавательские коллективы многих учебных заведений, в том числе столичных педагогического училища, лицеев «Рахман-баба», «Хабибия», «Неджат», торгового лицея и других. С теплыми словами приветствия и поддержки к преподавателям университета обратился ветеран демократического движения конца 40- начала 50-х годов, один из основателей в 1951 году партии «Хальк» Мухаммад Наим Шаян. В своем послании он подчеркнул, что этот гражданский акт преподавателей университета «займет достойное место в истории борьбы демократических сил страны». [21] В защиту афганской молодежи решительно выступили обе фракции НДПА. Парламентская фракция партии сделала запрос правительству по поводу расправы над студентами и школьниками и потребовала от него предания открытому суду ее виновников. Стремясь сплотить афганскую молодежь и придать ее выступлениям организованный характер, партия разработала и от имени учащейся и студенческой молодежи выдвинула общую платформу действий, в которой были сформулированы организационные принципы и лозунги движения. Партия призвала молодежь продолжать борьбу до тех пор, пока не будут удовлетворены все ее требования. [22]

Расправа над студентами Кабульского университета, учащимися лицея «Ибн Сина» и педагогического училища дала толчок началу довольно-таки нового для страны явления – массового движения солидарности с бастующей молодежью. Забастовки и митинги солидарности прошли во многих городах и провинциях Афганистана – Нангархаре, Парване, Каписе, Баглане, Кундузе, уезде Пагман и в других местах. В Кабуле они не прекращались ни на один день весь июнь. В дополнение к митингам и демонстрациям молодежь стала прибегать еще к одной форме борьбы – проведению голодных забастовок. В итоге учебный процесс в школах и вузах был полностью парализован.

Не утихали брожение и недовольства и среди преподавателей Кабульского университета. Не получив положительного ответа от правительства на свои требования по поводу событий 19 мая, они в июне провели несколько общевузовских собраний с участием ректора университета. На одном из них была избрана комиссия в составе 26 человек, во главе с профессором Али Мухаммадом Зохма, на которую была возложена задача добиваться от властей безусловного выполнения требований преподавателей. 16 июня комиссия, исполняя поручение собрания, вручила председателям нижней и верхней палат парламента доктору Абдул Захиру и сенатору Абдул Хади Дави еще одно обращение профес-

сорско-преподавательского коллектива университета. Законодатели были уведомлены о принятом на собрании решении создать Союз преподавателей университета и разработать проект устава этого объединения. В обращениях отмечалось, что данный Союз призван, «соблюдая ценности Конституции, защищать личное достоинство и профессиональные права его членов, неприкосновенность университета и академические свободы». Кроме того, предлагалось внести в проект закона об университетах, который в то время проходил обсуждение в парламенте, положение об общеузовском собрании преподавателей как высшем общественном органе, а также признать в этом законе право преподавателей на создание своего Союза. [23] Следует заметить, что многочисленные попытки комиссии А.М.Зохма повлиять на правящие круги и добиться от них удовлетворения требований преподавателей вуза оказались безуспешными. Не был создан и Союз преподавателей.

Правящие монархические круги, несмотря на справедливость требований вузовской интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи и широкую поддержку их борьбы в стране, в целом проигнорировали и эти требования, и мнение общественности, если не считать ряда мелких уступок, вроде вывода полиции с территории университета и увольнения с работы некоторых одиозных школьных администраторов. Почти повсеместно власти продолжали по-прежнему использовать полицию и войска против демонстрантов, подвергать их массовым арестам и лишению права учиться, прибегать к временному закрытию учебных заведений, а в ряде мест (например, в г. Ханабаде провинции Кундуз) и к введению в ночное время комендантского часа. [24] В июле король утвердил Закон о наказаниях малолетних преступников, в котором предусматривались различные репрессивные меры в отношении подростков в возрасте от 7 до 15 лет за их «антиобщественную деятельность». В конце лета на длительный срок был закрыт Кабульский университет. С целью противодействия радикально настроенной молодежи режимом всячески поощрялась деятельность клерикальных молодежных группировок, была активизирована работа проправительственной бойскаутской организации, создан Клуб молодежи. Усилились гонения на левые и демократические силы и их печатные органы, в том числе газеты «Парчам», «Афган меллят» и другие. В начале июля за причастность к организации студенческих забастовок были арестованы и преданы суду общественной безопасности активисты НДПА (Парчам) Наджибулла, Абдул Вакиль и Мухаммад Исмаил Махшур, студенты соответственно медицинского, экономического и юридического факультетов Кабульского университета. [25]

Им было предъявлено обвинение в «участии в противозаконных забастовках и демонстрациях», «нарушении общественной безопасности и нагнетании напряженности», «провоцировании беспорядков и столкновений с полицией», «создании условий для призыва народа к восстанию» (два последних обвинения выдвигались конкретно против Наджибуллы). Первый помощник прокурора Кабульской провинции Мухаммад Амин Ниязи, выступавший на суде в качестве государственного обвинителя, назвал их «главарями и первостепенными зачинщиками смуты». Подсудимые в подготовленном ими тексте совместного заявления и в своих довольно длинных индивидуальных защитительных речах категорически отвергли все предъявленные им обвинения как надуманные от начала до конца, бездоказательные и клеветнические. Полемизируя с государственным обвинителем, они заявили, что на деле их судят за то, что они «хотят, используя декларированные в Конституции свободы, бороться за пробуждение сознания народа и его права, улучшение жизни подавляющего большинства обездоленного населения страны, укрепление экономической и политической независимости Афганистана, демократию и социальный прогресс, в защиту своей священной родины». Отклонив обвинения в том, что, участвуя в демонстрациях и забастовках, они преследовали-де «свои корыстные интересы», подсудимые с гордостью подчеркнули свою принадлежность к народно-демократическому движению Афганистана и сознательную приверженность идеям и взглядам, выразителем которых является газета «Парчам». При этом они не скрывали, что в борьбе за интересы народа руководствуются «принципами творческого научного мировоззрения». [26]

Необходимо отметить, что все трое вели себя на суде смело, раскованно и с большим достоинством, а их выступления и ответы были глубоко аргументированными и политически четкими по содержанию, страстными, порой даже запальчивыми и дерзкими, яркими и образными по своей форме. В этом смысле могла бы быть показательной защитительная речь Абдул Вакиля, впрочем, равно как и других его коллег по скамье подсудимых. В частности, обосновывая законность и мотивы своего участия в демонстрациях и забастовках протеста против жестокой расправы полиции над школьниками лицея «Ибн Сины», он гневно бросил прокурору широко известные на Востоке слова Саади, классика средневековой литературы на фарси:

«Над горем людским ты не плакал век, – Так скажут ли люди, что ты человек».

Блестящая самозащита и достойное поведение обвиняемых на суде (их совместное заявление и речи были полностью опубликованы в двух номерах газеты «Парчам») принесли им широкую известность, особенно среди мятежной молодежи, и содействовали дальнейшему укреплению популярности в обществе радикальных оппозиционных настроений.

Между тем все усилия властей овладеть обстановкой в стране не давали ощутимых результатов. Более того, по мере расширения молодежного движения к нему начали присоединяться другие слои и группы населения. Данное обстоятельство заметно повлияло на изменение содержания лозунгов и требований молодежи в сторону усиления их социально-политической направленности. В ходе летних (1969 г.) забастовок и митингов все более резкой критике стали подвергаться безжалостная эксплуатация афганских рабочих, коррупция, взяточничество, грубость и различные злоупотребления властью должностных лиц, невнимание правящей верхушки к бедам простых людей, несправедливость аграрных отношений в деревне, а также выдвигались требования предоставить учащимся право на проведение собраний и политических диспутов, ввести обучение в школах на родном языке, обеспечить работой всех выпускников школ, в том числе и девушек, и т.д.

Следует заметить, что в Афганистане в процессе забастовочной борьбы рассматриваемых лет, несмот-

ря на характерную для этой страны традиционную замкнутость женщины в своем семейном мире, произошла активизация «женского фактора». Это зримо проявилось не только в избрании в 1965 году четырех женщин депутатами парламента, их страстных выступлениях с парламентской трибуны в защиту прав, свобод и достоинства женщин и создании в 1966 году Демократической организации женщин Афганистана (ДОЖА) во главе с А.Ратезад, но и особенно в нараставшем по своей массовости участии представительниц городского населения, прежде всего из числа интеллигенции и студенчества, в демонстрациях, митингах, маршах, забастовках и других гражданских акциях. 8 марта 1969 года впервые в истории Афганистана по инициативе ДОЖА в Кабуле была проведена конференция, посвященная Международному женскому дню. На ней с докладом выступила А.Ратезад. [27]

По мере приближения парламентских выборов, назначенных на 9-13 сентября 1969 года, афганская молодежь стала, особенно в июле-августе, все больше втягиваться в избирательную кампанию и отражать в своих выступлениях позиции и взгляды различных противоборствующих политических сил.

После парламентских выборов молодежное движение в стране пошло на убыль. Последние месяцы года были отмечены лишь отдельными выступлениями молодежи. Наиболее заметными среди них были, пожалуй, только митинги и демонстрации в память жертв 3 акраба (25 октября 1965 г.), состоявшиеся в Кабуле, Джалалабаде, Меймене, Мехтарламе, Баглане, Кундузе и ряде других городов Афганистана. Так завершился этот этап движения студенческой и учащейся молодежи, охвативший по времени почти весь 1969 год, а по территории – практически большинство провинций страны. Он был ознаменован дальнейшим углублением процесса политизации образованной части афганской молодежи, выдвижением, наряду с академическими, и политических лозунгов, появлением тенденции к слиянию выступлений молодежи с борьбой других социальных и политических сил и постепенным превращением молодежного движения в серьезный фактор общественно-политической жизни страны. Хотя это движение и приобрело черты общенационального явления, вместе с тем оно продолжало по-прежнему оставаться недостаточно организованным и все еще не имело единого руководящего центра.

Забастовочная борьба афганской молодежи сопровождалась широкими репрессиями властей против ее участников. В целом в течение года по стандартному обвинению в нарушении «законности и порядка» были уволены с работы и изгнаны из учебных заведений более 100 партийцев НДПА и десятки лиц арестованы и брошены в тюрьмы. Среди арестованных были не только члены двух фракций НДПА, но и других леводемократических и национально-патриотических организаций, в частности студент медицинского факультета Кабульского университета Абдул Карим Заргун, Мухаммад Тахер Бадахши, Бахруддин Баэс, Фарид Шаян, Голь Мухаммад, Забиулла, Сеид Каюм и др. [28] В конце октября под давлением «улицы» и демократической оппозиции в парламенте правительство освободило значительную часть студентов и школьников, арестованных в ходе весенних и летних выступлений молодежи. Однако это не означало, что правящие круги отказались от использования силы против политической оппозиции. Уже в январе 1970 года за участие в многотысячной антиамериканской демонстрации, состоявшейся в Кабуле в связи с приездом в страну вице-президента США С.Агню, были арестованы и подвергнуты тюремному заключению активные члены НДПА (Парчам), входившие в руководящее ядро действовавшей в Кабульском университете партийной организации, доктор Фарук, Халиль Змар, Наджибулла, Абдул Вакиль, М.Исмаил Махшур (для троих последних это был их второй арест), М.Барьялай, Эмтиаз Хасан, Хешмат Ауранг и Наджмуддин Кавьяни. Им было предъявлено обвинение в действиях, «противоречащих политике нейтралитета Афганистана» и выразившихся в оскорблении США и американского флага и забрасывании автомобиля С.Агню камнями, тухлыми яйцами, гнилыми помидорами и очистками овощей. [29] В связи с указанными событиями ушел в отставку ректор университета профессор Фазль Раби Пажвак, уступив место доктору Сеиду Абдул Кадыру Баха, декану Джалалабадского медицинского факультета.

5 июня 1970 года леводемократические силы, обеспокоенные разгулом выступлений консервативно-клерикальных кругов (см. об этом в п.3.3.), провели в Кабуле многотысячную демонстрацию протеста против оккупации Израилем арабских земель и вмешательства империализма в дела Афганистана. Активное участие в ее организации и проведении приняли фракции Хальк и Парчам. Подлинные цели этой акции состояли в том, чтобы показать силу и влияние в обществе левых сил, перехватить политическую инициативу из рук ихванистов и нейтрализовать их усилия по дискредитации леводемократического движения. Полиция жестоко расправилась с демонстрантами, многие из них были избиты и арестованы. Акт расправы получил огласку с парламентской трибуны. В конце октября 1971 года левые силы, как и в предыдущие годы, провели повсеместно в стране шествия и митинги в память жертв 3 акраба. И на сей раз реакция спровоцировала нападения на их участников. В Лагмане от ее рук погиб, а затем был растерзан на части юноша-парчамист Абдуррахман.

В рассматриваемые годы Кабульский университет (в то время в него на правах отдельных факультетов входили Кабульский политехнический институт и Джалалабадский медицинский факультет) неизменно оставался чутким барометром жизни страны, отражая, как в зеркале, весь спектр противоборствующих общественных сил. Несмотря на далеко зашедшие в среде афганских студентов процессы политического размежевания, уроки предшествовавшей забастовочной борьбы и осознание ими своей силы подвели их к необходимости создания общеузовской организации и избрания ее руководящего центра. В августе 1971 года была образована Ассоциация студентов Кабульского университета и принят ее Устав, чем было положено начало организованному студенческому движению в Афганистане. Ассоциация, в организации которой активное участие приняли группировки Хальк, Парчам, Шоалеи джавид и Мусульманская молодежь, объявила своей целью борьбу за «обеспечение и защиту профессиональных, демократических и социальных прав студентов», в «поддержку освободительного движения, за справедливый мир, непримиримость к действиям реакции, борьбу против эксплуатации, проявлений колониализма», «сопротивление всякому гнету, насилию, дискриминации». Были избраны руководящие органы Ассоциации – Совет, Исполнительный комитет и Высший совет. [30]

13 ноября 1971 года по решению Совета Ассоциации студентов началось новое (после 1968-1969 гг.), наиболее продолжительное по времени забастовочное выступление афганской студенческой молодежи. [31] Поводом к нему послужили некоторые пункты нового Устава Кабульского университета, разработанного Ученым советом последнего. В нем, в частности, предусматривалось повышение переходного балла с курса на курс с 55 до 60 баллов (по стобальной системе), а также сокращение допустимого максимума пропусков занятий по различным причинам. К забастовке присоединилась часть преподавателей и сотрудников университета. Так, в КПИ в ней участвовали 25 из 37 преподавателей, причем из указанных 25 человек 24 получили образование в СССР и один (преподаватель теологии) – в Египте.

Инициатором студенческой забастовки явилась группировка Шоалеи джавид. По тактическим соображениям, а точнее, чтобы не быть обвиненными в сговоре с правительством, призыв к забастовке поддерживали организации Хальк, Парчам, Садаи авам, Мусульманская молодежь и другие, хотя повод к ее проведению был весьма сомнительным. По признанию студентов, принадлежащих к Хальк, новый Устав университета объективно не ущемлял интересы подавляющего большинства студентов, так как их средняя успеваемость составляла, как правило, выше 75 баллов, а пропуски занятий не превышали установленных 25 % учебного времени. И не случайно, что в ходе забастовки ее академические мотивы вскоре отошли на второй план, уступив место идеологической борьбе внутри студенческого коллектива. Кроме того, ряд лиц под шумок забастовочной борьбы попыталась свести личные счеты с руководством университета и негодными преподавателями.

Наибольшую активность и воинствующую непримиримость в борьбе с инакомыслящими проявили шоалеевцы. Среди них особенно выделялись Сеид Афгани, Абдулла Латиф Махмуди, Хабибуррахман, Замрай и другие. Они снова, как и прежде, оседали своего любимого антисоветского коня, утверждая, что СССР под видом помощи Афганистану стремится укрепить-де свое господство в этой стране, что советский опыт подготовки кадров высшей квалификации неприемлем для Афганистана, что «Советский Союз – образец плохого социализма!» и т.д. Однако антисоветизм Шоалеи джавид встретил резкий отпор со стороны представителей других политических группировок, что нередко сопровождалось не только словесной перебранкой, но и драками. Все это заставило афганских маоистов заметно умерить свой воинственный пыл. К ним, но уже с правого крыла, примыкали члены Мусульманской молодежи, которые под флагом борьбы с «неверными» стремились скомпрометировать советских преподавателей, работавших в КПИ, и подорвать доверие к ним. В ходе многочисленных митингов и демонстраций студенты выдвигали и общие лозунги, как-то: «Долой реакцию!», «Покончим с феодализмом!», «Смерть империализму!», «Прекратим войну во Вьетнаме!», «Долой правительство реакционеров!» и т.п.

В процессе студенческих выступлений, и не без их влияния, в Кабульском университете был создан Союз преподавателей, в который вошли 13 представителей Хальк, 8 – из Шоалеи джавид и остальные – независимые. Однако в Исполнительном комитете Союза большинство мест заняли шоалеевцы. По замыслу учредителей Союза, он должен был играть такую же роль среди преподавательского состава, какую студенческая Ассоциация выполняла среди студентов.

Данная студенческая забастовка, продолжавшаяся 160 дней, была самой длительной в истории афганских вузов тех лет. Фактически работа университета с ноября 1971 по конец апреля 1972 года была парализована, несмотря на все усилия его руководства, министерства просвещения и правительства восстановить нормальный учебный процесс. В конце концов, осознав свое бессилие прекратить забастовку, министр просвещения Х.Энаят-Сирадж вынужден был, ссылаясь на болезнь, уйти в отставку. Конфликт был передан на рассмотрение парламентской комиссии по юридическим вопросам, которая вынесла заключение о неправомерности нового Устава университета. Правительство, в свою очередь, вынесло решение об отмене Устава и предписало ректорату университета начать занятия не позднее 18 апреля 1972 года. В ответ на это решение правительства Ученый совет Кабульского университета в полном составе, а также деканы факультетов, за исключением медицинских и педагогического, вышли в отставку. Таким образом, повод к конфликту был устранен и 22 апреля студенческий Совет объявил забастовку законченной и призвал студентов приступить к занятиям.

Забастовочная борьба афганских студентов завершилась их победой – отменой непопулярного Устава университета. Однако значимость этих студенческих выступлений заключалась не столько в данном, мелком по существу факте, далеко не адекватном проявленному упорству и накалу страстей, а в другом. Беспрецедентные по продолжительности и массовости волнения студентов отразили прежде всего широкое недовольство в обществе внутренней и внешней политикой правящих кругов, явились показателем все углублявшегося кризиса политической системы государства и внесли свою лепту в расшатывание устоев власти. Важным достижением этого этапа студенческого движения стала попытка организационно оформить его ряды. Приобретен был и определенный опыт борьбы молодежи за свои права. Большая концентрация студенчества и учащейся молодежи в столице обусловила их высокую политическую мобильность и боевитость и содействовала быстрому утверждению в их среде духа корпоративности. Студенты и на сей раз подтвердили, что они являются наиболее политизированной и активной оппозиционной силой афганского общества. Они продемонстрировали обостренное понимание своего гражданского долга, обязательным элементом которого явилось осознание ими необходимости участия в том или ином общественно-политическом движении или группировке и защиты тех или иных идейных, политических, национальных, культурных, религиозных и других ценностей.

Студенческие выступления 1971-1972 годов снова показали, что среди значительной части афганской молодежи большой популярностью пользовались левые идеи и взгляды. Это обстоятельство вынуждено было признать и американское посольство в Кабуле, пристально следившее за развитием событий в этой стране. «В течение прошедших четырех лет, – писало оно в 1971 году в одном из своих аналитических материалов, – левые силы... добились важных успехов среди студентов и городских низших прослоек ин-

теллектуального труда. Демонстрации левых сил стали обычным явлением. По существу растущая сила левых является отражением углубляющегося разочарования в существующем социально-экономическом положении и явной неспособности или нежелания руководства страны смело заниматься ее проблемами». [32]

Вместе с тем молодежному движению в Афганистане были присущи и свои слабости, что и показали студенческие выступления начала 70-х годов. Во-первых, молодежное движение не было единым. Его участники принадлежали к различным группировкам – от Хальк и Парчам до крайне левых и правых экстремистов – и придерживались разных идей и взглядов относительно решения внутренних проблем страны. В этих условиях из-за острых внутренних идеологических разногласий Совету Ассоциации так и не удалось выработать единую программу действий и стать подлинным руководящим центром забастовки. Хотя дух корпоративности во многих случаях объединял их и они нередко выступали как единая масса. Во-вторых, за внешней, видимой, забастовочной активностью студентов скрывались низкий уровень политической зрелости основной массы афганского студенчества, широкое распространение в его среде экстремистских (правых и левых) и ультрареволюционных взглядов и настроений, увлечение трескучей антиправительственной фразеологией, а также опыание от «игры» в революцию и гипертрофированное самомнение о своей общественной значимости. Многие студенты, если не большинство из них, участвовали в массовых митингах и демонстрациях скорее из любопытства и стремления «быть как все» (характерные черты психологии толпы и митинговой эйфории), чем на основе глубоких убеждений. Их общественное поведение строилось главным образом на безоговорочном лозунге «Долой!». В-третьих, студенческие волнения 1971-1972 годов в целом все же оставались обособленным «бунтом молодежи», хотя и с огромным митинговым запалом, и не слились с выступлениями других слоев и групп населения.

Во второй половине 1971 года, когда в столице начались студенческие волнения, выступлений рабочих и других слоев населения еще не было, хотя подготовка к ним уже наметилась. В октябре 1971 года на некоторых объектах Джалалабадского ирригационного комплекса, в частности на ремонтно-механическом заводе в Дарунте, среди рабочих по инициативе НДПА были созданы организации для поддержки забастовки и специальный денежный фонд в сумме 15 тысяч афгани для помощи семьям бастующих. Неизбежность новой волны рабочих забастовок объективно была связана с крайне неблагоприятным положением в социально-экономической сфере жизни трудящихся, сложившимся в стране в результате острой нехватки продуктов питания из-за сильнейших засух двух лет подряд (1970/71 и 1971/72 годов) и падежа скота зимой 1971/72 года ввиду небывалых снегопадов и бескормицы, голода в некоторых районах, бешеного роста цен на товары первой необходимости, спекуляции, растущей безработицы, взяточничества и коррупции административного аппарата и т.д.

В такой ситуации 13 января 1972 года первыми выступили примерно 1500 рабочих и около 200 служащих управления строительства микрорайонов и Кабульского домостроительного комбината. В течение первых двух дней забастовки они выработали и предъявили администрации следующие основные требования: выплатить отпускные за 7 лет с начала эксплуатации комбината (общая сумма задолженности рабочим по этой статье составляла около 13 млн. афгани); обеспечить рабочих спецодеждой; улучшить санитарное состояние бытовых помещений на производстве. Забастовку пытались остановить министр общественных работ Хазек Залмай, пообещавший за две-три недели изыскать источник для оплаты задолженности по отпускам, и мулла, заявивший на митинге, что требования рабочих о выплате задолженности неправомерны. Однако бастующие первому не поверили, а второго прогнали с трибуны, не дав ему закончить речь. Забастовка была прекращена лишь 13 апреля. Добились же рабочие немногого: компенсацию за неиспользованные отпуска получили только служащие и уволившиеся с комбината рабочие. Остальные требования забастовщиков остались неудовлетворенными.

Вслед за рабочими КДСК 20 апреля забастовали около 100 рабочих службы эксплуатации микрорайонов в знак протеста против увольнения нескольких десятков товарищей. В результате встречи делегации рабочих с генеральным директором управления градостроительства Сарваром Омаром была достигнута договоренность об увольнении лишь семи человек пенсионного возраста.

30 мая возобновили забастовку примерно 700 рабочих управления строительства и службы эксплуатации микрорайонов. В ходе многодневных митингов, в которых принимали участие и представители левых сил, в том числе и НДПА, были выдвинуты требования не только сугубо рутинного характера (например, увеличить выдачу денег на обед и отпуск муки по талонам с 4 до 6 сиров на одного рабочего в месяц, выдавать ежегодно летнюю и зимнюю спецодежду, организовать доставку рабочих к месту работы, повысить рабочим разряды и т.п.), но и принципиального, масштабного характера, как-то: образовать на домостроительном комбинате комитет по найму и увольнению с участием рабочих, организовать для рабочих страховое медицинское обслуживание по типу государственных служащих, обеспечить выплату пожизненной пенсии в случае получения производственной травмы, предоставлять рабочим жилье. И вновь администрации было предъявлено требование выплатить семилетнюю задолженность за неиспользованные отпуска. О солидарности с бастующими заявили рабочие домостроительного комбината. Собравшись на митинг после работы, они выдвинули те же требования, что и рабочие микрорайонов, и дополнительно требование незамедлительно уволить заместителя директора комбината по кадрам. При этом они предупредили руководство комбината, что предпримут всеобщую забастовку, если это их требование не будет выполнено. Власти, испугавшись дальнейшего расширения волнений на КДСК, произвели 3 июня массовые аресты организаторов и наиболее активных их участников и таким образом сорвали забастовку.

Одновременно со столичными рабочими-строителями в забастовочную борьбу вступили рабочие Кабульского хлебокомбината и авторемонтно-механического завода «Джангалак». Забастовка на хлебокомбинате началась 18 апреля. Она готовилась заранее и носила организованный характер. В ней приняли участие более 450 рабочих, которые потребовали от правительства разрешения создать профсоюз, повысить заработную плату, оплачивать все сверхурочные работы, улучшить условия труда, обеспечить бес-

платное медицинское обслуживание и т.п. На митинге выступающие (среди них были и представители левых сил) резко критиковали администрацию комбината и департамент заготовок продовольствия за различные злоупотребления, казнокрадство, невнимание к нуждам рабочих и их эксплуатацию. Президент департамента Мия Хосейн Моджаддеди обвинил рабочих в том, что они слушают подстрекателей – студентов Кабульского политехнического института, и попытался прекратить забастовку, пообещав изучить требования рабочих. Однако последние, не удовлетворенные таким обещанием, продолжили забастовку. Лишь после того, как руководство департамента вынесло решение удовлетворить большинство требований рабочих (за исключением разрешения на создание профсоюза), они 20 апреля возобновили работу.

Затяжной характер приняла забастовка рабочих на заводе «Джангалак». Она началась стихийно 3 мая. Вскоре к бастующим примкнули некоторые мастера и служащие завода. Во главе забастовки встал слесарь Ареф, член Парчам. В ее руководство вошли также и некоторые лица, придерживавшиеся прокитайских взглядов. Следует заметить, что шоалеевцы снова, как это случилось в июне 1968 года, попытались направить забастовку в антисоветское русло и подтолкнуть бастовавших к использованию силы в противостоянии с властями, однако получили отпор со стороны многих рабочих. Забастовка носила в целом спокойный и организованный характер. Требования, выдвинутые рабочими, включали около 20 пунктов, в том числе: узаконить ежегодное празднование 1 мая; уволить директора завода, допускающего разворовывание заводских средств; организовать в конце рабочего дня на заводе курсы по ликвидации неграмотности, а также изучение русского или английского языка; уволить руководящих работников пенсионного возраста и вместо них назначить молодых инженеров, получивших образование в СССР; выплачивать рабочим пенсии по старости; ввести страхование от несчастных случаев; запретить беспричинные увольнения рабочих; повысить размеры заработной платы с учетом роста цен на продукты питания; установить на заводе такую же продолжительность рабочего дня, как и у государственных служащих, или доплачивать за сверхурочную работу; увеличить выдачу муки по купонам с 28 до 56 кг на рабочего и т.д. Данные требования были сначала направлены в министерство горных дел и промышленности, а затем Совету директоров объединения Джангалакских заводов. Ими было принято решение частично удовлетворить экономические требования рабочих. Забастовка была прекращена 25 мая.

Весной 1972 года волнения охватили ряд трудовых коллективов на севере страны. 6 марта забастовали рабочие-эксплуатационники автодороги Кабул – порт Шерхан, требуя своевременной выплаты зарплаты и разницы за повышение тарификационных разрядов, улучшения питания, выдачи зимней одежды и увольнения за грубое обращение с рабочими начальника службы эксплуатации дороги полковника Касем-хана. Около 80 рабочих-механизаторов и ремонтников в тот же день предприняли поход на столицу от поселка Доши (в 135 км к северу от Кабула). По дороге (на 89 километре) они были остановлены губернатором провинции Парван и командующим трудовой армией, которые пообещали удовлетворить все требования бастующих (что и было сделано на следующий день). Рабочие вернулись к месту работы. Еще одна забастовка более 600 рабочих-дорожников состоялась с 25 мая по 2 июня на строительстве автомагистрали Наибабат – Хайратон в знак протеста против увольнения нескольких шоферов и механизаторов и грубого обращения с ними со стороны администрации.

Наиболее политизированный характер приняли выступления рабочих-нефтяников в г. Шибиргане (административный центр провинции Джаузджан). Начало волнениям в этом городе положили учащиеся мужского лицея (около 200 человек), организовавшие 1 мая демонстрацию под лозунгами «Хлеба детям!», «Долой империализм!», «Смерть кровопийцам!», «Да здравствует солидарность народов мира!» и др. На митинге выступали главным образом члены Хальк и Парчам. 6 мая объявили забастовку около 400 рабочих Шибирганской конторы бурения. В ее подготовке и организации большую роль сыграли провинциальные организации обеих фракций НДПА, что нашло непосредственное отражение в характере выступлений рабочих и содержании их лозунгов. На многодневных митингах ораторы говорили о тяжелых жизненных условиях трудящихся и их жестокой эксплуатации, называли конкретных виновников их бед и страданий, читали революционные стихи, в том числе и собственного сочинения, особо подчеркивая при этом классовый смысл существующих противоречий в обществе. Выступления участников митингов, сопровождавшиеся троекратным «ура» присутствовавших, обычно заканчивались лозунгами «Долой кровопийц, долой паразитов, долой врагов рабочего класса!», «Долой империализм!», «Долой врагов демократии и социализма!», «Да здравствует солидарность рабочих Афганистана с рабочими всего мира!». Кроме того, на митинге, проведенном у конторы бурения, раздавались лозунги «Да здравствует солидарность рабочих Афганистана с рабочими Советского Союза!» и «Да здравствует Советский Союз!».

В процессе забастовки был выработан и предъявлен администрации большой список требований (из 16 пунктов), среди которых основными были: разрешить празднование 1 мая; организовать рабочий комитет (типа профсоюзной организации); освободить от работы начальника отдела кадров Хамуша – «врага рабочего класса»; уволить главного механика и главного бухгалтера, а также начальника цеха Ахмад Шах-хана; обеспечить рабочих жильем; оплачивать инвалидность при несчастных случаях; построить баню для рабочих; наладить снабжение медикаментами; обеспечить вахты исправными машинами; увеличить зональный коэффициент с 15 до 30 %; сократить продолжительность смен цехов и буровых бригад до размеров рабочего дня служащих контор и т.д. Забастовка рабочих-нефтяников получила широкий резонанс в стране и была поддержана некоторыми органами независимой прессы. Среди них была и газета «Меллят».

Забастовка закончилась 15 мая после того, как администрация согласилась удовлетворить половину требований рабочих. Все они носили экономический характер. Что касается требований по политическим и кадровым вопросам, то все они были проигнорированы властями.

23 мая началась беспрецедентная в истории Афганистан забастовка инженерно-технического персонала департамента геологии и горных дел министерства горных дел и промышленности. В ней активное участие приняли 38 человек из 347 инженерно-технических работников департамента (многие из них име-

ли дипломы советских вузов, а семь человек – дипломы кандидатов наук, полученных в СССР). Бастующие, поддержанные другими сотрудниками этого учреждения, в своих выступлениях подвергли острой критике работу департамента, указав на большие и напрасные расходы и неэффективность изысканий на многих месторождениях полезных ископаемых, плохую текущую подготовку кадров, профессиональную некомпетентность президента департамента Мирзада, его пренебрежительное отношение и недоверие к молодым специалистам-инженерам, и заявили, что не приступят к работе, пока Мирзад не уйдет в отставку. Они считали, что департамент может обойтись без помощи советских специалистов и вообще без советского содействия в области геологоразведочных работ. [33]

Президент департамента, отвечая на эту критику, отметил, что он не верит в способность афганских специалистов, при всей их амбициозности и карьеристских побуждениях, работать пока самостоятельно ввиду присущих им недисциплинированности, беспечности, лени, весьма слабой профессиональной подготовки. Выступление инженерно-технических работников не было поддержано рабочими департамента. Более того, последние в знак протеста против необоснованных требований инженеров объявили 28 мая контрзабастовку. Прибыв в столицу на машинах, они на состоявшемся митинге осудили бастующих и особенно их выпады против советских специалистов, работавших по контракту в указанном департаменте, заявив, что «коммунисты – не англичане, коммунисты – трудолюбивые люди». В последующие дни эти две забастовки приняли характер острого взаимного противостояния. В такой ситуации администрации департамента пришлось выступать в роли арбитра между ними и с трудом сдерживать попытки физической расправы рабочих над инженерами. 1 июня в события вмешалась полиция и, арестовав около 40 человек, принудила рабочих и инженерно-технический персонал департамента приступить к работе. Требования забастовщиков не были приняты.

В начале июня 1972 года повсеместно в стране прекратились забастовочные выступления афганских рабочих. По приблизительным данным, в них в 1971-1972 годах приняли участие в общей сложности около четырех с половиной тысяч рабочих и 263 инженерно-технических работника. Численность участников выступлений афганской молодежи составила примерно 7700 человек. Хотя забастовочное движение рассматриваемых лет по своему размаху и числу участников значительно уступало волнениям 1968-1969 годов, тем не менее оно было отмечено большей, чем прежде, организованностью, сплоченностью и политической направленностью. Определенная заслуга в этом, несомненно, принадлежала демократическим элементам, в частности обеим фракциям НДПА, которые, активно участвуя в забастовках и их руководящих органах как на стадии подготовки, так и проведения, содействовали повышению уровня политической сознательности участников движения, помогали им целенаправленно отстаивать свои права и классовые интересы.

Забастовочная борьба 1971-1972 годов развертывалась в основном в столице и северных районах страны, то есть там, где были сосредоточены наиболее крупные отряды молодого, формировавшегося рабочего класса Афганистана. Подготовка к забастовкам осуществлялась и в других центрах (например, на ГЭС Наглу и Джалалабадском ирригационном комплексе), но там администрации предприятий удалось предотвратить их путем принятия предупредительных мер и обещаний улучшить положение рабочих. В ходе забастовок рабочие подняли голос в защиту своей чести и человеческого достоинства и добились от властей выполнения части экономических требований. Многие из этих требований опирались на прочную правовую основу и прямо вытекали из содержания принятых в первой половине 1971 года законов о труде, выполнение которых, как показывала жизнь, упорно игнорировалось и правительством, и администрацией предприятий. Что касается политических требований рабочих, то ни одно из них не было удовлетворено.

При всей скромности достигнутых успехов рабочее движение в Афганистане в начале 70-х годов сделало еще один шаг вперед в своем становлении и подтвердило, что является неотъемлемым фактором общественно-политической жизни страны. События этих лет со всей очевидностью показали, что Афганистан вступил в полосу социальных потрясений и грядущих перемен. Признаки надвигающегося кризиса власти были налицо: значительная часть населения уже не хотела мириться со своим униженным, бедственным положением, а монархическая верхушка не желала (да и не была способна) кардинально реформировать политическую систему и решить злободневные проблемы жизни народа. «Демократический эксперимент», начатый «сверху» в 1963 году, не только не разрешил взрывоопасную внутривластную ситуацию в стране, но и значительно усилил ее. Устой монархической власти были серьезно расшатаны и, как ни парадоксально, при помощи ею же дозволенной демократии.

4.2 Деятельность левой оппозиции накануне антимонархического переворота. Свержение монархии

Афганистан вступил в 70-е годы, будучи охваченным глубоким социально-экономическим кризисом. Спад в развитии экономики сопровождался и дополнялся ростом инфляции и бюджетного дефицита, увеличением масштабов безработицы, значительным повышением цен на товары первой необходимости, острой нехваткой продовольствия и связанного с ним массового голода (по некоторым данным, в 1971 – 1972 годах от голода в стране умерло более 80 тысяч человек [34]), следствием чего явился уход сотен тысяч афганцев в соседние страны в поисках работы и куска хлеба. В обществе неумолимо нарастала социальная и политическая напряженность, что особенно ощущалось в столице, которая как мыслящий, интеллектуальный центр страны остро чувствовала всю несправедливость существовавшего политического устройства. Что касается афганских правительств, то они, демонстрируя в эти годы свою полную неспособность овладеть ситуацией и решить злободневные проблемы страны, менялись одно за другим. Только в течение двух лет и двух месяцев, предшествовавших свержению монархии в Афганистане, сменилось три кабинета. Король по существу перестал играть какую-либо значимую роль в направлении государственных дел. Династия дискредитировала себя и утратила авторитет и влияние в обществе и армии. В сложившейся

ситуации при дворе все больший политический вес приобретал клан Шах Вали – Абдул Вали, стремившийся всеми силами и средствами остановить окончательное крушение монархического строя.

В этот период наметились некоторые изменения в позициях и деятельности обеих фракций НДПА. Парчамисты, лишившись своего печатного органа, наряду с продолжением использования еще оставшихся в их распоряжении легальных возможностей (парламент, митинги и демонстрации и т.д.), вынуждены были все больше переносить акцент на конспиративные формы работы, включая и работу в армии. Под влиянием стихийных выступлений трудящихся обе фракции активизировали попытки проникнуть в рабочую и крестьянскую среду и распространить на них свое влияние. Это была нелегкая задача. И та, и другая фракция отчетливо понимали, что рабочие и крестьяне ввиду почти поголовной неграмотности и низкого уровня политического и классового сознания еще не готовы к восприятию даже самых благих демократических идей. Учитывая это, партийные агитаторы в общении с рабочими особое внимание уделяли их элементарному политическому просвещению, разъяснению необходимости и законности борьбы за право создания профсоюзов и принятия общегосударственного демократического закона о труде, повышении заработной платы для лиц наемного труда, обеспечивающей нормальный прожиточный уровень их семей, равную оплату для мужчин и женщин за равный труд, реализацию права трудящихся на пенсионное обеспечение и оплачиваемые отпуска, выступали в защиту рабочих от произвола, насилий и унижения их человеческого достоинства со стороны властей и предпринимателей. Предметом и поводом для бесед с рабочими служили конкретные примеры из их жизни и труда, публикации частной и официальной прессы о положении трудящихся, деятельность (а точнее – бездеятельность) правительства и особенно выступления депутатов-демократов в парламенте. В условиях разветвленной в стране сети фискальства и слежки за инакомыслящими, гонений и репрессий со стороны властей партийцам приходилось прибегать к необходимому мерам предосторожности и конспирации. Контакты и беседы с рабочими осуществлялись, как правило, под видом вечеринок-посиделок (на дари – «гаштак») и встреч по поводу семейных торжеств и памятных дат, на автобусных остановках, во время обеденных перерывов и т.п.

В процессе этих усилий НДПА удалось привлечь к себе внимание и симпатии части рабочих и даже создать кое-где в рабочих коллективах партийные ячейки, например, на заводе «Джангалак», Кабульском домостроительном комбинате, газопромыслах Шибиргана, в провинции Гильменд. Однако при всем этом позитиве партия все же не смогла добиться сколько-нибудь широкого влияния в рабочей среде. Причинами этого явились не только противодействие реакционных сил и правительственные меры, ограничивавшие возможности для деятельности левых элементов, но главным образом качественные характеристики молодого, формировавшегося рабочего класса – его почти поголовная неграмотность, отсутствие сложившейся пролетарской психологии и опыта общественно-политической деятельности, прочные связи с деревней, а порой и временный (сезонный) характер работы на промышленных предприятиях и в строительстве, традиционная зависимость от родоплеменной, местной и духовной элиты, глубокая приверженность религии и вековым обычаям и традициям, этнопсихологическая неприязнь и разобщенность и т.п.

Еще более скромными были успехи НДПА в ее попытках завоевать доверие крестьянских масс. Следует заметить, что обе фракции НДПА, исходя из ее программных целей, всегда придавали особо важное значение решению крестьянского вопроса в Афганистане. Однако в первые годы существования партии работе в деревне не было уделено должного внимания. Лишь в конце 60-начале 70-х годов, в ходе забастовочных выступлений трудящихся в столице и провинциях, были предприняты попытки проникнуть в деревню. При некоторых провинциальных партийных комитетах, а затем и в ряде деревень были созданы комитеты по работе среди крестьян. При этом особые надежды возлагались на представителей деревенской интеллигенции – членов НДПА и партийных агитаторов. Предполагалось, что партийцы с целью установления дружеских, доверительных отношений с крестьянами будут принимать непосредственное участие в различных ритуальных церемониях деревни (похоронах, свадьбах, обряде обрезания и т.д.), массовых молебнах-намазах и следовавших за ними беседах, хашарных работах, вечеринках-посиделках и коллективных чтениях, традиционно практикуемых в зимнее время в деревенских минманхане, оказывать финансовую и материальную помощь бедным семьям за счет сбора пожертвований среди членов партии, проводить индивидуальную и коллективную разъяснительную работу, организовывать встречи партийных функционеров с крестьянами и местными авторитетами-старейшинами и патриотически настроенными духовниками. [35]

Однако уже первые контакты с крестьянами явно обескуражили партийных агитаторов. Афганская деревня оказалась глухой к голосу и лозунгам НДПА. По словам одного из руководителей провинциального комитета партии тех лет на севере страны, «установлению контактов с крестьянами мешали их боязнь ханов, беков и реакционных властей, а также отжившие взгляды и рабская психология». Этот же партийный функционер указывал, что некоторые крестьяне уже после первой встречи отказывались от продолжения бесед с активистами НДПА, сокрушенно говоря им: «Мы – бедные люди. Не втягивайте нас в беду. Какая нам польза от таких речей. Козла подвешивают за свою ногу, а барана – за свою. Бог сотворил нас бедными и несчастными. Ешьте свою кашу да не вмешивайтесь в жизнь нашу!». [36]

Крестьяне не приняли всерьез партийных агитаторов также и из-за их молодости, которая на Востоке традиционно воспринимается как недостаток зрелости и житейской мудрости. Да и сами партийцы, будучи по преимуществу городскими жителями, оказались неготовыми к должному восприятию и учету особенностей быта и психологии крестьян: не знали тонкостей деревенских обычаев и традиций, правил ношения одежды и взаимных приветствий, не принимали во внимание сложившуюся веками и освященную религией систему деревенских авторитетов и ценностей, не умели говорить с крестьянами на простом, доступном им языке, нередко гнушались сидеть на грязных и рваных циновках, поджав под себя ноги, пить чай из разбитой и немойтой посуды, есть из одной деревянной миски, спать на засаленной постели, что в целом вызывало к ним (партийцам) неприязненное отношение со стороны крестьян. [37]

Партийное руководство, проанализировав первые, безрадостные итоги работы среди крестьян и осознав ее бесперспективность в тех условиях, пришло к выводу о необходимости перенесения центра тяжести своей деятельности в деревню на наиболее независимую от местных властей и авторитетов часть сельского населения – пахлеванов (борцов-силачей), наездников – участников конноспортивной игры «бозкеши», деревенских смутьянов-удальцов и других лиц, отличавшихся свободомыслием и смелостью поведения и традиционно пользовавшихся в Афганистане симпатией и уважением деревенских жителей. Через эту категорию лиц предполагалось выйти в последующем на широкие слои населения деревни. Вместе с тем намечалось усилить работу среди сельских полупролетариев – ремесленников и кустарей, а также среди торговцев, некоторых местных авторитетов, учащихся сельских средних школ и лицеев. В итоге НДПА удалось в последующие годы создать в ряде провинций первые деревенские партийные ячейки (например, в деревнях Алатиходжа и Месрабад, вблизи г. Шибиргана). В 1971 году в провинции Джаузджан был создан первый в стране кооператив плотников, под «крышей» которого действовала подпольная партийная организация. В его составе было 23 человека, из которых семеро являлись членами партии, а остальные – сочувствующими. [38]

Следует признать, что такие примеры успешной работы НДПА в деревне были скорее исключением, чем правилом. Хотя обе ее фракции в своих заявлениях и публикациях неизменно в эти годы уделяли повышенное внимание установлению связей с крестьянством, тем не менее работа в деревне не приобрела для партии приоритетного характера и велась спорадически, в отдельных районах и, как правило, лишь вблизи от городских центров. Сказывались при этом организационная слабость НДПА и, главное, неготовность крестьянских масс понять и воспринять ее образ мыслей.

Неудачные попытки закрепиться в рабочей и крестьянской средах и повлиять на их общественное сознание имели для партии серьезные тактические и политические последствия. Она вынуждена была замкнуть свою деятельность в основном на образованную городскую мелкобуржуазную среду – интеллигенцию, государственных служащих, ремесленников, торговцев, учащуюся и студенческую молодежь, что в итоге привело к значительному сужению ее социальной опоры в обществе.

В конце 60-начале 70-х годов обе группировки НДПА продолжали действовать обособленно друг от друга. Правда, иногда, прежде всего в процессе массовых забастовочных акций в столице, логика общественно-политической борьбы сводила их вместе, в одни митинговые ряды и колонны. Но это, к сожалению, не положило начало какому-либо сближению партийных соперников. Отойти от взаимного зла и сотворить благо во имя общих целей оказались выше их сил, физических и духовных. Новый импульс к обострению отношений между ними был задан в конце 1969 года уходом из парчамовского крыла трех членов его руководящего ядра – Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпара и А.Х.Шараи Джаузджани. С присоединением их к Хальк его лидеры в конце 1970 года значительно расширили состав своего высшего руководящего органа, кооптировав в члены ЦК трех указанных перебежчиков, а также А.К.Мисака, Х.Амина, М.И.Данеша и кандидатами в члены ЦК – М.М.Хашеми, А.А.Вулуси, А.Р.Арьяна, Махмуда Сума, М.Х.Паймана, М.Я.Буньяди и А.К.Заргуна. Этот шаг был мотивирован «значительным увеличением количества членов партии и ростом ее престижа и авторитета среди народа», а также необходимостью «лучшего налаживания партийных дел и укрепления руководства партии». [39] Что касается крыла Парчам, то состав его высшего руководящего органа вплоть до середины 70-х годов оставался прежним, а именно: членами ЦК являлись Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Нур Ахмад Нур, М.А.Хайбар и А.Ратезад, а кандидатами в члены ЦК – С.Лайек и М.Х.Барек Шафии.

В декабре 1970 года парчамовцы провели в Кабуле третий расширенный пленум ЦК и вслед за ним II партийную конференцию. На них были обсуждены доклады о положении в партии, стране и мире и принято решение, состоящее из семи пунктов и озаглавленное «Задачи нашей борьбы». Данный документ подтвердил приверженность организации ее программным стратегическим и тактическим целям, конкретизировал насущные задачи дня, в частности в области идеологической, политической, пропагандистской и организационной, подчеркнул необходимость усиления борьбы против правого экстремизма. Отдельный пункт был посвящен проблеме единства и «задачам борьбы против антипартийных раскольников». [40]

Следующий (1971) год был насыщен для обеих фракций НДПА значительными делами и событиями. Так, ЦК Парчам в письме, направленном партийцам 1 января 1972 года в связи с седьмой годовщиной I съезда партии, имел основание утверждать, что организация «провела большую работу по реализации установок, изложенных в «Задачах нашей борьбы». Среди наиболее важных акций, осуществленных ею в 1971 году, отмечались: активное участие партийцев в организации десятков забастовок, демонстраций и митингов в защиту прав и требований трудящихся, проведение массовых маршей и митингов в связи с празднованием Дня 1 мая, Дня Пуштунистана, в память жертв 3 акраба, а также в связи с убийством в Лагмане правыми экстремистами парчамовца Абдурахмана (примеч.: на митинге протеста, проведенном по этому поводу в столичном парке Зарнегар 27 октября 1971 года, участвовали десятки тысяч жителей Кабула; подобный митинг прошел и в Лагмане), участие в создании Ассоциации студентов Кабульского университета и разработка ее устава и др. [41] Руководство Парчам сделало в этот период еще одну попытку добиться от властей разрешения на издание своего печатного органа, на сей раз под названием «Каргар» («Рабочий»), однако снова получило отказ. В этих условиях некоторые важные материалы по насущным проблемам деятельности организации публиковались время от времени в неправительственной прессе (например, в газетах «Рузгар», «Пактика» и др.), но чаще всего размножались от руки или же с помощью множительной техники. В том же году группировка Парчам, руководствуясь решениями третьего расширенного пленума ЦК, предприняла ряд шагов, правда, безуспешных, для установления единства с халькистами (см. об этом подробнее в разделе 2.6.). Не найдя понимания с их стороны, Парчам выступила в сентябре 1972 года с инициативой создания «Объединенного фронта прогрессивных народно-демократических сил», в который бы, кроме Парчам, вошли Партия прогрессивных демократов, Афган меллят, Меллят, Садаи авам, Союз афганских учителей, Ассоциация студентов Кабульского университе-

та и Демократическая организация женщин Афганистана. Было проведено учредительное собрание, на котором были провозглашены основные задачи «фронта» – защищать принципы конституции и бороться против внутренней и внешней реакции. Однако далее этой декларации деятельность «фронта» не пошла и идея его создания оказалась нереализованной.

Парчам, имея своего депутата в Вулуси джирге, по-прежнему уделяла большое внимание использованию парламентской трибуны в интересах пропаганды своих взглядов и для критики внутренней и внешней политики правящих кругов, проявлявших в эти годы очевидную неспособность руководить страной и решить ее жгучие проблемы. Летом 1971 года, как уже говорилось, в условиях дальнейшего углубления социально-экономического кризиса и обострения внутриполитической ситуации произошла очередная смена правительства. Вместо ушедшего в отставку правительства Н.А.Эттемади к власти пришел кабинет д-ра Абдул Захира. В этот период в стране на первое место выдвинулась продовольственная проблема, крайне усугубленная засухой. Парчам вместе с другими демократическими силами, не отрицая пагубного воздействия засухи и маловодья на снабжение населения продуктами питания, указывала и в парламенте, и в своих письменных материалах, что испытываемые страной трудности не являются «временными», как это утверждало правительство, а носят хронический характер. По мнению руководства Парчам, «главные причины голода и дороговизны в стране, бедствий и нищеты народа коренились в социально-экономических условиях общества», а также в неспособности и нежелании правящих кругов предпринять радикальные меры для реформирования аграрных отношений. Вместе с тем правительство А.Захира обвинялось в создании «всевозможных препятствий для деятельности прогрессивной прессы» и «потворстве провокационной деятельности черной реакции в стране». [42] Следует заметить, что оценки и подходы Парчам и Хальк по многим проблемам внутренней жизни Афганистана и деятельности правительства в данный период в основном совпадали.

В 1972 году фракция Парчам, исходя из установки о подготовке к осуществлению демократической революции в стране, выступила с идеей созыва очередного, II съезда партии, который бы стал «поворотным пунктом в историческом развитии партии молодого рабочего класса Афганистана и революционного движения страны». Признав, что в прошлом отсутствовали благоприятные условия для его созыва, ЦК НДПА (Парчам) поставил перед организацией задачу подготовить такие условия, для чего предусматривалось: активизировать идеологическую подготовку руководящих кадров, привлекать в партию и воспитывать сознательные элементы из числа трудящихся, расширять численный состав партии, бороться против всякого эгоизма и самодовольства, проявлений фракционизма, внутренних склоков и недисциплинированности, различных уклонов в идеологических и организационных вопросах, правого и левого оппортунизма, за строгое выполнение уставных норм и избрания в соответствии с Уставом достойных лиц в руководящие органы организации. [43] 24 мая 1973 года на заседании ЦК было принято решение начать непосредственную подготовку к созыву съезда, на котором намечалось создать самостоятельную «Партию трудящихся Афганистана» и принять ее программу, воплощающую в себе принципы марксизма-ленинизма и учитывающую опыт мирового революционного процесса. [44]

Следует заметить, что общественно-политическая активность обеих фракций НДПА вызывала в этот период неистовую злобу и растущее противодействие как со стороны властей, так и консервативно-клерикальных кругов. Последние летом 1972 года выдвинули лозунг «Эй правоверные! Поднимайтесь на борьбу с кафирами!» [45] (имелись в виду члены и сторонники НДПА. – М.С.), а наиболее фанатичные из них стали призывать к физической расправе над лидерами НДПА (в частности Б.Кармалем), мотивируя это мезтью за убийство 8 сентября 1972 года неизвестными лицами главного редактора газеты «Гахидз» Менхаджуддина Гахидза. Нападки, насилие и террористические акты правых и левых экстремистов против обеих фракций стали нормой политической жизни страны. От их рук в 1971-1972 годах, как уже отмечалось, погибли парчамовец Абдурахман, халькисты Абдул Кадыр и Пачазадин, многие десятки были ранены. Члены НДПА подвергались избиениям и разного рода оскорблениям и глумлению над их человеческим достоинством, как-то: им насильно брили головы, усы и брови, мазали лицо сажей, связывали и сажали на ослон на потеху обывателю, нередко поджигали и грабили их дома, беспочвенно подвергали денежным штрафам. Дискредитация партии активно велась и по правительственной линии с помощью радио и прессы и через кафедры мечетей. Многие партийцы были лишены права учиться, изгнаны с работы и арестованы. [46]

В данный период оба крыла НДПА волновали не только животрепещущие внутренние проблемы страны, но и непоследовательная внешняя политика афганского правительства. Они, в частности, резко осудили позицию умолчания кабинетов Н.А.Эттемади и А.Захира по отношению к событиям на индостанском субконтиненте (арест в марте 1971 года лидера Народной лиги («Авами лиг») Восточного Пакистана Шейха Муджибура Рахмана и других ее деятелей, запрещение Национальной народной партии А.Валихана, репрессии военного режима Яхья-хана против демократических и национально-освободительных сил, политический кризис в Пакистане, приведший к провозглашению независимости Бангладеш, индо-пакистанский вооруженный конфликт в конце 1971 года).

Особый протест и возмущение демократической общественности страны вызвали заверения афганского руководства, направленные пришедшему к власти пакистанскому правительству З.А.Бхутто, о том, что-де между Афганистаном и Пакистаном не существует каких-либо разногласий и нерешенных вопросов. Подобного рода констатация афганского правительства была расценена в кругах широкой общественности страны как еще один пример проводимой правящей верхушкой «политики обмана по национальной проблеме Пуштунистана и Белуджистана», как шаг, «ставящий под угрозу безопасность, территориальную целостность и независимость афганского государства». [47] Обе фракции НДПА повторили указанные оценки на массовых демонстрациях и митингах, которые они провели в августе 1971 и 1972 годов по случаю Дня Пуштунистана, и в принятых на них заявлениях в поддержку национально-

освободительных движений народов Пуштунистана и Белуджистана. Политика военного режима Яхья-хана и репрессии против национально-патриотических сил Пакистана были осуждены в специальном заявлении ЦК НДПА (Парчам) от 2 декабря 1971 года, а также в выступлении Б.Кармала 29 ноября этого же года в Вулуси джирге и его запросе правительству. Солидарность НДПА с национально-освободительными движениями в Пакистане была с пониманием встречена среди демократической общественности региона. Прямым отражением этого явилось приглашение летом 1971 года Б.Кармала в Нью-Дели на неправительственную международную конференцию по Бангладеш. [48]

В 1971-1973 годах внимание широкой афганской общественности было привлечено к проблеме распределения вод реки Гильменд, используемых для орошения приграничных районов как Афганистана, так и Ирана. Страсти вокруг этой проблемы, остававшейся нерешенной в течение более чем 100 лет, особенно накалились в марте 1973 года во время визита в Кабул иранского премьер-министра А.А.Ховеида. Тогда в столице в знак протеста против данного визита по призыву Парчам состоялось массовое собрание, на котором с речью выступил Б.Кармаль. В ней он подверг критике проамериканскую политику шахского Ирана, выступил в защиту территориальной целостности Афганистана и права его народа на свои воды и незыблемость границы, а также осудил правящие круги своей страны, которые, по его мнению, «замалчивали провокационные действия иранских властей на границе с Афганистаном» и были склонны пойти на переговорах по проблеме распределения вод р. Гильменд «на сговор с режимом Ирана вопреки воле и жизненным интересам афганского народа». [49] Аналогичную позицию по гильмендской проблеме занимали и халькисты. Они вместе с парчамистами активно участвовали в массовых мартовских антииранских и антиправительственных акциях. [50]

В рассматриваемые годы оба крыла НДПА неизменно солидаризировались с Советским Союзом и другими социалистическими странами по многим вопросам мировой политики, последовательно поддерживали национально-освободительные движения в мире и концепцию некапиталистического пути развития стран «третьего мира», критиковали внутри- и внешнеполитический курс руководства Китая и его смыкание с США на антисоветской основе, занимали четко выраженные позиции антиимпериализма и антиамериканизма при оценке политики Запада в мировых делах.

Что касается Хальк, то она в рассматриваемый период продолжала придавать преувеличенное значение идеологическим аспектам политической борьбы в ущерб практической работе по расширению и укреплению своей социальной опоры в массах. Такая направленность ее деятельности была еще раз подтверждена ее лидером в нелегально изданной в августе 1972 года брошюре «Партия рабочего класса». По сути дела это был дословный перевод на пушту главы 13 из книги «Основы марксизма-ленинизма». [51] К брошюре было предпослано пространное предисловие, подписанное Сур Гуль (псевдоним Н.М.Тараки), в котором после краткого экскурса в историю Афганистана новейшего времени и характеристики внешних и внутренних предпосылок появления в стране демократического движения излагались взгляды руководства халькистов о принципах строительства партии, ее целях и задачах, месте и роли в общественно-политической борьбе.

Автор предисловия, как и в предыдущие годы, догматически воспринимая марксистские положения и формулы, слепо переносил их на афганскую почву. По его мнению, в Афганистане в середине 60-х годов в лице НДПА «была создана на основе марксистско-ленинской идеологии партия рабочего класса», призванная «руководить народом в борьбе» за ниспровержение существующего несправедливого строя, передачу власти народу, руководимому рабочим классом, земли – крестьянам, а фабрик и заводов – рабочим, за ликвидацию эксплуатации и некапиталистический путь развития (примеч.: в понятие «народ» автор включал рабочих, крестьян, ремесленников, прогрессивную интеллигенцию, мелкую буржуазию, некоторые левые элементы средней национальной буржуазии). [52] Гипертрофируя значение субъективных факторов и игнорируя объективные социально-экономические и политические условия страны, автор видел следующую последовательность решения указанных выше задач: сначала теоретически подготовить членов партии, потом разъяснить народу ее программные установки, а затем под руководством партии низвергнуть существующий строй и построить социалистическое общество. Отметив далее, что империализм и реакция всегда используют религию и ее служителей против прогрессивных сил, он призвал «сорвать заговор пиров и мулл против народа» путем широкого распространения в обществе классового и политического сознания и разоблачения подрывной деятельности клерикалов.

Имея в виду своих партийных соперников-парчамистов и отрицая их право иметь свою организацию под прежним названием, Н.М.Тараки заявил, что «в одной стране нужна лишь одна марксистско-ленинская партия» и что все другие группировки, претендующие на эту роль, есть не что иное, как «агентура правящих кругов», с помощью которой последние стремятся помешать созданию подлинно рабочей партии. В указанном предисловии автор вообще ни словом не обмолвился о проблемах единства партийных рядов и создании фронта демократических сил на широкой социальной основе.

Откровенно просоциалистическая, левая платформа халькистов, далекая от потребностей движения и живой афганской действительности, увлечение коммунистической риторикой и тяготение к самоизоляции от других отрядов прогрессивных сил страны не могли не угрожать Хальк утратой влияния в обществе и превращением в сектантскую группировку доктринеров. Это начали понимать и сами руководители Хальк. В июне 1973 года, буквально за три недели до свержения монархии, на состоявшемся в Кабуле пленуме ЦК они внесли существенные коррективы в свои взгляды по коренным проблемам революционного процесса в Афганистане. В постановлении пленуму было отмечено небывалое возрастание социальной напряженности в обществе, явное поправление монархического режима и активизация наступления на прогрессивные силы со стороны ультраконсервативных кругов. В связи с этим в числе первоочередных мер был поставлен вопрос о формировании «широкого демократического фронта с участием всех демократических партий и союзов различных слоев трудящихся и социальных групп, заинтересованных в глубоких изменениях в интересах народа, с сохранением самостоятельности каждой партии и группиров-

ки». Отказавшись от прежних, просоциалистических взглядов относительно целей такого фронта, халькисты предложили в качестве его основных задач следующие: отстаивание свободы печати и партийной деятельности; осуществление демократических выборов в парламент, провинциальные и городские джирги; борьбу с нарушениями законов; проведение политики активного неприсоединения с антиимпериалистической направленностью. Таким образом, халькисты признали необходимость поиска союзов и компромиссов с другими общественными силами на общедемократической платформе. [53]

Пожалуй, самые существенные коррективы пленум внес в понятие «народной (хальковской) демократии». Ранее, как уже отмечалось (см. раздел «Межфракционная борьба в НДПА: причины, характер, последствия»), Н.М.Тараки рассматривал данную концепцию как цель НДПА на ближайшую революционную перспективу и сводил ее фактически к установлению в стране диктатуры пролетариата под руководством пролетарской партии. Такая трактовка, как было записано в решении пленума, вызывала вопросы и непонимание среди членов партии. Учитывая это, а также, видимо, афганские реалии, ЦК дал следующее разъяснение: в настоящее время афганское общество стоит на пороге «национально-демократической» (а не социалистической) революции и партия в связи с этим не выдвигает в качестве условия своего союза с другими силами в рамках фронта обязательность гегемонии рабочего класса на всех фазах революционного процесса. При этом было косвенно, с оговорками признано, что руководителем движения на данном этапе может выступать и национальная буржуазия. Далее пленум подчеркнул: «народная демократия, представляющая собой одну из форм диктатуры пролетариата и имеющая целью построение социализма, не является стратегической целью НДПА (авангарда рабочего класса) и пропаганда хальковской демократии в качестве стратегической цели на нынешнем этапе в Афганистане не правительна». Два с половиной года спустя Н.М.Тараки, отвечая на вопросы партийцев относительно данного аспекта решений июньского (1973 г.) пленума ЦК, уточнил: «Стратегическая цель НДПА состоит в осуществлении национально-демократической революции под руководством рабочего класса и образовании национально-демократического государства». [54] Таким образом, халькисты в известной мере освободились от элементов псевдореволюционности по одному из узловых вопросов национально-демократического движения в стране и по сути возвратились к первоначальной программной формуле НДПА, встав на те же позиции, которых придерживались парчамисты. И все же халькистам (как, впрочем, и парчамистам) не хватило здравого смысла отказаться от догмы об обязательности руководящей роли рабочего класса на этапе национально-демократической революции в Афганистане в условиях, когда оный класс практически отсутствовал в социальной структуре афганского общества.

Усиление нападков династии и правых консервативно-клерикальных кругов на левые и демократические силы и умелое использование ими религии для дискредитации последних вынудило халькистское руководство поставить на пленуме и вопрос об отношении к религии. Было признано необходимым для каждого члена партии строго соблюдать в повседневной жизни религиозные обычаи и традиции, разоблачать обвинения по адресу организации в вероотступничестве, богохульстве и неуважении религиозных чувств верующих. Со всей строгостью было подчеркнуто в решении пленума, что любое оскорбление религии со стороны партийца является несовместимым с его партийной принадлежностью.

К 1973 году в обеих фракциях НДПА насчитывалось до трех тысяч членов и несколько тысяч сочувствующих в каждой из них. Несмотря на свою относительную малочисленность и продолжавшуюся разобщенность, они обладали заметным влиянием и популярностью в городских центрах, среди средних слоев, в том числе и военных. К указанному времени в руках Парчам имелась довольно сильная подпольная организация в армии, что в условиях кризиса власти во многом предопределило исход борьбы между династией и оппозицией.

В ночь с 16 на 17 июля 1973 года в Афганистане произошел антимонархический переворот, явившийся закономерным следствием сложившейся к тому времени в стране социально-экономической и политической ситуации. Его возглавил двоюродный брат и зять короля Мухаммад Дауд, получивший в западной прессе еще до описываемых событий прозвище «красного принца».

Ударной силой заговорщиков явилась армия, а точнее та ее часть, которую составляли представители леворадикальной оппозиции и патриотически и националистически настроенные офицеры – сторонники М.Дауда. Следует заметить, что он приобрел многих своих приверженцев в армии в 1953-1963 годах, когда был премьер-министром и министром национальной обороны. В организационное ядро его сторонников, сформировавшееся к середине 60-х годов на почве отрицания монархии, вошли начальник автобронетанкового управления Главного штаба афганской армии генерал Абдул Карим Мостагни, бывший начальник штаба 15 танковой бригады полковник Гулям Хайдар Расули (перед переворотом находился в отставке), полковник Гулям Сарвар, преподаватель тактики на офицерских курсах «А» майор Мухаммад Сарвар Нуристани и некоторые другие офицеры сухопутных войск и ВВС. Однако группа военных –сторонников М.Дауда (в основном старших офицеров), хотя и обладала обширными связями в «верхах», фактически не имела в своих руках войска, чтобы подобрать «валяющуюся» у их ног государственную власть. Батальоны и роты, прежде всего в столице и ее окрестностях, находились в руках молодых, прогрессивно настроенных, левых офицеров. [55] Но и они в одиночку ничего не значили, так как не имели в своих рядах признанного в общенациональном масштабе лидера, который бы был способен не только взять на себя руководство антимонархическим выступлением, но и своим авторитетом нейтрализовать после захвата власти сильные в стране и армии консервативные круги. Роль общенационального лидера не могла в то время выполнить и Народно-демократическая партия Афганистана в результате своей организационной разобщенности и малочисленности. Таким лидером на том этапе политической борьбы в Афганистане, несомненно, являлся Мухаммад Дауд – опытный, энергичный и дальновидный политик. С учетом указанных политических реалий левые сделали ставку в вопросе свержения монархии на М.Дауда, а последний – на радикально настроенное, левое офицерство в армии.

Первые тайные контакты между группировкой М.Дауда и молодой военной оппозицией состоялись, видимо, в начале 70-х годов. После достигнутого согласия были разработаны в условиях глубокой конспирации несколько вариантов переворота, намечавшегося первоначально в 1972, а затем зимой 1973 года. Однако все они по разным причинам не были реализованы. Только весной 1973 года была предпринята первая попытка переворота. В соответствии с его планом мятежные танки вышли из гарнизона Пули-Чархи и почти достигли окраины столицы, но были неожиданно остановлены и возвращены обратно по распоряжению генерала А.К.Мостагни, усомнившегося в последний момент в успехе предпринятой акции. Тем не менее этот выход танков за пределы гарнизона и их передвижение в сторону столицы вызвали подозрение властей. Началось официальное расследование, в ходе которого были выявлены некоторые нити заговора и причастные к нему офицеры. Вскоре министерство национальной обороны дало согласие на их арест и привлечение к суду за государственную измену. Однако окончательное решение этого вопроса было задержано до возвращения короля из Англии и Италии, куда он 25 июня вылетел на лечение и отдых. Кстати, вместе с ним в Англию вылетел и генерал Абдул Вали, командовавший в то время Центральным корпусом. Но 5 июля он спешно возвратился домой, что было связано с обнаружившейся угрозой устоям монархии. Прибыв в Кабул, он стал энергично раскручивать маховик следствия.

Над участниками антимонархической военной оппозиции нависла реальная угроза провала и физического уничтожения. Данное обстоятельство заставило их ускорить осуществление задуманной операции, хотя они и отчетливо понимали, что идут на большой риск. Дело в том, что монархия в это время все еще располагала значительными возможностями для защиты существовавших порядков. Как стало известно заговорщикам, наиболее влиятельные представители дворцовой аристократии в вооруженных силах, в частности генерал Абдул Вали, чувствуя приближение «взрыва» в армии, готовились, в свою очередь, с помощью верных им армейских и жандармских формирований совершить превентивный верхушечный переворот (что, кстати, подтвердил при аресте отец генерала Абдул Вали – маршал Шах Вали [56]), установить в стране режим военной диктатуры, физически расправиться с гражданской и военной оппозицией и таким образом спасти монархический строй. Как представляется, при существовавшем тогда раскладе сил в армии между противоборствующими сторонами успех данного замысла мог быть вполне очевидным, если бы двор нанес упреждающий удар. Однако антимонархически настроенные офицеры, опередив защитников монархии на несколько дней в выступлении, захватили инициативу в свои руки и обеспечили этим во многом свой перевес и победу.

Государственный переворот, возглавленный М.Даудом, начался с блокирования и захвата королевского дворца и взятия под стражу членов династии, включая наследного принца Ахмад Шаха и маршала Шах Вали. Одновременно с этим были перерезаны все каналы связи, соединяющие членов правительства и высшее военное командование с воинскими частями, полицией и жандармерией (решающую роль в выполнении этой задачи сыграли военные связи вместе со членом НДПА капитаном Алим Джаном), и арестованы влиятельные гражданские и военные деятели (в их числе весь кабинет министров во главе с премьером Мусой Шафиком, некоторые руководители «группы АНБ», включая Г.С.Нашера, начальник штаба Центрального корпуса, министр обороны, начальник Главного штаба афганской армии, командующий жандармерией, командующий ВВС и ПВО, командиры 4 и 15 танковой бригад и др. Чуть позже капитанами Абдул Хамидом Мохтатом и Пача Гуль Вафадаром был взят под стражу генерал Абдул Вали). Были заняты правительственные учреждения и важные государственные объекты (почта, телеграф, телефон, банк, аэродром) и перекрыты все дороги, ведущие в столицу, блокированы части и штаб Центрального корпуса, которые могли быть потенциально использованы промонархически настроенными офицерами для защиты прежнего режима. Во всех этих операциях самое активное участие приняли танковый взвод роты охраны в королевском дворце под командованием лейтенанта Хабибуллы (именно он в половине первого часа ночи 17 июля первым вывел свои танки из дворца и блокировал подступы к нему, а также оказал поддержку батальону «коммандос», дислоцированному поблизости, в крепости Балахисар), офицеры и унтер-офицеры 4 и 15 танковых бригад, ВВС и ПВО, батальона «коммандос» (его выступление возглавил капитан Файз Мухаммад), полка связи, танкового батальона 7 пехотной дивизии в Ришхоре (пригород Кабула). Многие из офицеров – активных участников переворота (например, А.Кадыр, С.М.Гулабзой, Ш.Д.Маздурьяр, Файз Мухаммад, А.Х.Мохтат, М.Зия, П.Г.Вафадар) являлись членами и сторонниками НДПА, «группы Максуди» и других подпольных радикальных организаций в армии (см. об этом в разделе «НДПА и военные. Борьба за армию»). По некоторым данным, в осуществлении государственного переворота приняли участие в общей сложности до тысячи офицеров, унтер-офицеров и подчиненных им солдат.

Утром 17 июля, после того как успех переворота стал очевидным, по кабульскому радио выступил М.Дауд и объявил о ликвидации в стране монархического режима и провозглашении Республики Афганистан. Объясняя причины, побудившие армию к выступлению, он отметил, что в течение десяти лет, предшествовавших перевороту, экономическая, социальная и политические сферы и система управления страной оказались в состоянии полного развала и что «давние и заветные чаяния народа были подменены лжедемократией, основанной с самого начала на личных и классовых интересах, обмане и кознях, лжи и лицемерии», в результате чего «демократия превратилась в анархию, а конституционная монархия – в деспотический режим». Поскольку, заявил он далее, «режим и государственный аппарат настолько разложились, что уже не поддавались какому-либо реформированию, ... все патриоты, особенно патриотическая армия Афганистана, приняли решение положить конец этому прогнившему строю и вывести страну из бездны несчастий». Среди неотложных задач новой власти М.Дауд назвал «обеспечение безопасности и сохранение национального суверенитета Афганистана» и осуществления «коренных преобразований». Говоря о внешней политике, он сказал, что она будет основываться на принципах нейтралитета и неприкосновенности, приверженности международному миру и традиционной дружбе со всеми народами планеты. При этом он подчеркнул, что у Афганистана не существует каких-либо нерешенных вопросов со странами

мира, кроме пуштунской проблемы, которая составляет, по его словам, «единственное политическое разногласие» в афгано-пакистанских отношениях. [57]

Указанное радиовыступление М.Дауда оказало деморализующее воздействие на приверженцев монархии. Почувствовав перевес чаши весов в пользу новой власти, на ее сторону стали переходить и офицеры–«нейтралы». К исходу дня в поддержку переворота высказались практически все отдаленные гарнизоны страны. Правда, здесь, как и в столице, не обошлось без арестов и изоляции наиболее рьяных монархистов. Следует заметить, что в ходе осуществления переворота сторонники династии неоднократно пытались остановить выступление мятежного офицерства или даже поднять находившиеся под их командованием части для подавления восставших. Такие безуспешные попытки предпринимали, например, командир батальона «коммандос» майор Сафи, начальник штаба королевской гвардии, командир 8 пехотной дивизии, командир Центрального корпуса генерал Абдул Вали и др. Вооруженное сопротивление восставшим оказали в основном полицейские, охранявшие банк, телеграф, тюрьму Димазанг и некоторые другие объекты.

В целом тщательно подготовленный и умело осуществленный переворот прошел почти бескровно. По официальным данным, в ходе этой акции погибли восемь человек, из них четверо полицейских и четверо военнослужащих. Среди последних трое, по словам М.Дауда, сказанным им на пресс-конференции 24 июля, стали жертвой неосторожного обращения с оружием и один офицер-танкист из 15 танковой бригады погиб при падении танка с высокой набережной в реку Кабул (видимо, по неопытности механика-водителя). [58] В эти цифры по какой-то причине не попал начальник штаба королевской гвардии, застреленный восставшими, когда он, угрожая пистолетом, пытался «образумить» их и помешать перевороту. Возможно, были и другие жертвы. И тем не менее вряд ли есть основания оспаривать утверждение М.Дауда относительно того, что переворот был осуществлен малой кровью. [59]

Свержение монархии было восторженно встречено подавляющим большинством населения Афганистана. На улицах и площадях столицы состоялись массовые народные празднества и митинги. Аналогичные мероприятия имели место и в других городах страны. О поддержке нового, республиканского режима заявили высший религиозный орган – Совет улемов (примеч.: в постановлении Совета улемов было сообщено об изменении текста хутбы. – М.С.), ряд видных племенных и духовных авторитетов, широкие круги интеллигенции, известные общественные и политические деятели страны, Ученый совет Кабульского университета. Все это, вместе с легкостью, с которой был осуществлен переворот, свидетельствовало о том, что династия окончательно утратила в общественном сознании ореол былой святости и национальной ценности. В стране не нашлось какой-либо общественной силы, которая бы поспешила на спасение падающей короны. Лишь отдельные служители культа, некоторые представители высшей бюрократии и торговцы выразили робкое недовольство по поводу происшедшего, пытались скомпрометировать новые власти путем распространения провокационных слухов и саботировать исполнение их распоряжений.

В день переворота состоялись экстренные заседания ЦК обеих фракций НДПА. В своих заявлениях, изданных в виде листовок, они приветствовали ликвидацию монархии и призвали своих членов быть готовыми «защитить республику от реакционных сил и интриг империализма». Оценивая провозглашение республики в стране как положительный акт, ЦК Хальк подчеркнул, что «для свержения монархии благоприятную почву подготовили Народно-демократическая партия Афганистана и другие демократические силы и элементы». [60] ЦК Парчам, кроме того, разрешил ее членам занимать различные посты в новом государственном аппарате, чтобы таким образом содействовать практической реализации прогрессивного курса республиканского режима.

Государственный переворот 1973 года явился знаменательной вехой в истории Афганистана. С провозглашением республиканского строя была перевернута последняя страница летописи афганских монархий и открыта качественно новая глава в развитии этой древней страны. Одним из существенных результатов переворота стало изменение расстановки политических сил в стране. Прежде всего это касалось роли армии. Июльскими событиями афганская армия, выйдя из замкнутого мирка казарм, впервые открыто вмешалась в общественно-политическую жизнь страны на стороне демократических сил и дала еще один (особенно характерный для многих стран Востока второй половины XX в.) пример того, что армия далеко не всегда выступает на политической сцене как традиционный институт поддержки прежних, консервативных, властных структур. С этих пор она стала на длительное время неизменным участником почти всех сколько-нибудь значимых актов афганской драмы. Участие прогрессивно и патриотически настроенных офицеров и унтер-офицеров в подготовке и осуществлении переворота обогатило их бесценным опытом политической борьбы, позволило им на практике осознать силу и возможности армии как орудия насилия над своими противниками и, как ничто другое раньше, ускорило процесс поляризации сил и их размежевание в армейской среде. Этот их потенциал и обретенный ими огромный бойцовский запал были с успехом использованы через несколько лет, на новом витке беспокойной афганской истории.

ГЛАВА 5. РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РЕЖИМ М.ДАУДА И ОППОЗИЦИЯ

5.1 Внутренняя и внешняя политика правительства М.Дауда и утверждение его авторитарной власти

Сразу же после государственного переворота был создан высший руководящий орган страны – Центральный Комитет Республики Афганистан (ЦКРА). Его состав в Афганистане никогда не публиковался. Предположительно, он включал в себя от 15 до 35 человек. [1] Первоначально в него вошли 11 лиц – М.Дауд, Хасан Шарк (в 1953-1963 годах он был личным врачом и начальником канцелярии М.Дауда), полковник в отставке Г.Х.Расули, Сеид Абдуллулла, капитан Абдул Хамид Мохтат, капитан Пача Гуль Ва-